

"Лавина"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Пианист Месяцев Игорь Николаевич сидел в самолете и смотрел в окошко. Он возвращался с гастролей по Германии, которые заняли у него весь ноябрь.

Месяцев боялся летать. Каждый раз, когда слышал об авиакатастрофе или видел в телевизионном экране рухнувший самолет, он цепенел и неестественно сосредоточивался. Знакомый психоаналитик сказал, что это нормально. Инстинкт самосохранения. Только у больных людей этот инстинкт нарушен, и они стремятся к самоликвидации. Смерть их манит. Здоровый человек хочет жить и боится смерти.

Месяцев хотел жить. Хотел работать. Жить — значит работать. Работать — значит жить.

До восемьдесят четвертого года, до перестройки, приходилось ездить с гастролями в медвежьи углы, по огородам, играть на расстроенных роялях в клубах, где сидели девки с солдатами, дремали пьяные бомжи. Сейчас Месяцев играл на лучших роялях мира. И в лучших залах. Но кому бы он ни играл — бомжам или буржуям, — он неизменно играл для себя. И это спасало.

Немецкие города были аккуратные, маленькие, как декорации к сказкам братьев Гримм.

Принимали хорошо, кормили изысканно. Однажды на приеме у бургомистра Месяцев ел нечто и не мог понять, что именно. Спросил у переводчицы Петры:

— Чье это мясо?

— Это такой американский мужчина, который весной делает р-р-ру-у...

— Тетерев, — догадался Игорь.

— Вот-вот... — согласилась переводчица.

— Не мужчина, а птица, — поправил Месяцев.

— Но вы же поняли...

Петра мило улыбнулась. Она была маленькая и тощенькая, как рыбка килька. И такие же, как у рыбки, большие, чуть-чуть подвыпученные глаза. Игорь не влюбился. А она ждала. Он видел, что она ждет. Но не влюбился. Он вообще не влюблялся в женщин. Он любил свою семью.

Семья — жена. Он мог работать в ее присутствии. Не мешала. Не ощущалась, как не ощущается свежий воздух. Дышишь — и все.

Дочь. Он любил по утрам пить с ней кофе. Она сидела закинув ногу за ногу, с сигаретой, красивая с самого утра. Сигарета длинная, ноги длинные, волосы длинные и нежная привязанность, идущая из глубины жизни. Зачем какие-то любовницы — чужие и случайные, когда так хорошо и прочно в доме.

Сын Алик — это особая тема. Главная болевая точка. Они яростно любили друг друга и яростно мучили. Все душевные силы, оставшиеся от музыки, уходили на сына.

Месяцев смотрел в окошко самолета. Внизу облака, а сквозь них просматривается бок земли. Говорят, если самолет раскалывается в воздухе, люди высыпаются в минус пятьдесят градусов и воздушные потоки срывают с них одежду, они летят голые, окоченевшие и, скорее всего,

мертвые. Но зачем об этом думать... Знакомый психиатр советовал переключаться. Думать о чем-то приятном.

О жене, например. Они знали друг друга с тринадцати лет. С седьмого класса музыкальной школы. Первый раз поцеловались в четырнадцать. А в восемнадцать поженились и родили девочку Аню. Но настоящей его женой была музыка. Игорь Месяцев в ней растворялся, он ее совершенствовал, он ей принадлежал. А жена принадлежала семье.

После окончания консерватории жена пошла преподавать. Имела частные уроки, чтобы заработать. Чтобы Месяцев мог ни о чем не думать, а только растворяться и расти. Рос он долго, может быть, лет пятнадцать или даже восемнадцать. А есть надо было каждый день.

Жена не жаловалась. Наоборот. Она выражала себя через самоотречение. Любовь к близким — вот ее талант. После близких шли дальние — ученики. После учеников — все остальное. Она любила людей.

Внешне жена менялась мало. Она всегда была невысокая, плотненькая, он шутя называл ее «играющая табуретка». Она и сейчас была табуретка — с гладким миловидным лицом, сохранившим наивное выражение детства. Этаким переросший ребенок.

Игорь Месяцев не задумывался о своем отношении к жене. Но когда уезжал надолго, начинал тосковать, почти болеть. И подарки покупал самые дорогие. В этот раз он купил ей шубу из норки за пять тысяч марок. Стоимость машины.

В сорок восемь лет жена получила свою первую шубу. Поздно. Но лучше поздно, чем никогда.

Дочери он вез вечерний туалет: маленькое черное платье с голой спиной. А к нему сопровождение: туфли, сумка и ожерелье: аметист в белом золоте. Петра выбирала. Когда она надела все это и вышла из примерочной, Месяцев обомлел.

— Я сейчас заплачу, — сказал он, имея в виду слезы.

Петра поняла, что он собирается не плакать, а платить, и сказала:

— Гут...

Сыну он привез все, с головы до ног, на четыре времени года. А поверх всего — куртку цвета «золотой теленок». Не серийную, а коллекционную. Такая куртка существовала в одном экземпляре.

Сын рос совершенно иначе, чем дочь. У дочери все складывалось нормально, как в учебнике. Родилась, ходила в детский сад, потом в школу. Училась без блеска, но добротнo. Выросла — встретила мальчика. Выходить замуж не торопится. Не торопится садиться на шею родителям и сажать своего Юру. Ждет, когда Юра сам встанет на ноги.

Красивая, сдержанная, деликатная девочка. Как в сказке.

Сын — как в кошмарном сне. Сначала не мог родиться, тащили щипцами. Железные щипцы на мягкие кости головы. Потом перепутал день с ночью. Днем спал, ночью орал. Все вокруг ходили шатаясь.

В детском саду стал хватать инфекции: то ветрянка, то скарлатина с осложнениями. Неделю ходит, три болеет. Пришлось забрать из сада. Все деньги уходили на няньку.

Школу ненавидел. Может, виновата система всеобщего обучения, а может, сам Алик. Избаловался вконец, сошел с резьбы. Когда учителя пытались его воспитывать — не возражал, но смотрел с таким презрением, что хотелось дать ему в морду. В морду — нельзя. А выгнать — можно. Жена ходила в школу, унижалась, дарила подарки. В десятом классе нанимала учителей, платила деньги. Наконец школа позади. Впереди Армия.

Армия и Алик — две вещи несовместные. Армия — машина подчинения. Алик — человек-противостояние. Машина сильнее человека. Все кончится для Алика военным трибуналом. Ясно: его посадят в тюрьму, а в тюрьме изнасилуют всем бараком.

Значит, надо положить в больницу, купить диагноз «шизофрения» и получить белый билет. Шизофреники от Армии освобождаются. Психически неполноценные не должны иметь в руках оружие.

Жена куда-то ходила, договаривалась, платила деньги.

Дочь выросла практически бесплатно и бескровно. А на сына утекали реки денег, здоровья, километры нервов. А что в итоге?

Ничего. Сам сын — любимый до холодка под ложечкой. Это любовь, пропущенная через страдания и обогащенная страданием. Любовь-испытание, как будто тебя протаскивают через колючую проволоку и едва не убивают. Но не убивают. Сплошная достоевщина.

Вот такие разные: жена с ее возвышенным рабством, дочь — праздник, сын — инквизиторский костер, теща — объективная, как термометр, — все они, маленькие планеты, вращались вокруг него, как вокруг Солнца. Брали свет и тепло.

Он был нужен им. А они — ему. Потому что было кому давать. Скучно жить только для себя одного. Трагедия одиночества — в невозможности отдачи.

Игорь уезжал с одним чемоданчиком, а возвращался с багажом из пяти мест. В эти чемоданы и коробки был заключен весь гонорар, заработанный за ноябрь, а если точнее — за всю прошлую жизнь. Труд пианиста — сладкая каторга, которая начинается в шесть лет. Все детство, отрочество, юность и зрелость — это клавиши, пальцы и душа. Так что если разобраться, на тележке, которую катил перед собой Месяцев, проходя таможенный досмотр, лежали его детство, молодость и зрелость.

Встречали дочь и жених Юра.

Дочь не бросилась на шею. Она была простужена, немножко бледна, шмыгала носиком и сказала как-то в никуда:

— Ко мне папочка приехал...

А когда садились в машину — еще раз, громче, как бы не веря:

— Ко мне папочка приехал...

Месяцев понял, что жених женихом, а отца ей не хватает. Отец заботится и ничего не требует. А жених не заботится и весь в претензиях.

Юра сел за руль. Был мрачноват. Месяцев заметил, что из трехсот шестидесяти дней в году

триста у него плохое настроение. Характер пасмурный. И его красавица дочь постоянно существует в пасмурном климате. Как в Лондоне. Или в Воркуте.

Москва после немецких городов казалась необъятно большой, неудобной, неряшливой. Сплошные не. Однако везде звучала русская речь, и это оказалось самым важным.

Языковая среда. Без языка человек теряет восемьдесят процентов своей индивидуальности. Казалось бы, зачем музыканту речь? У него своя речь — музыка. Но, оказывается, глухим мог работать только Бетховен. Так что зря старалась Петра, лучилась своими золотыми глазками, зря надеялась. Домой, домой, к жене-табуретке, к Москве с ее безобразиями, к своему языку, которого не замечаешь, когда в нем живешь.

Месяцев ожидал, что сын обрадуется, начнет подскакивать на месте. Он именно так выражал свою радость: подскакивал. И жена всплеснет ручками. А потом все выстроятся вокруг чемоданов. Замрут, как столбики, и будут смотреть не отрываясь в одну точку. И каждый получит свой пакет. И начнутся примерки, гомон, весенний щебет и суета. А он будет стоять надо всем этим, как царь зверей.

Однако жена открыла дверь со смущенным лицом. Сын тоже стоял тихенький. А в комнате сидел сосед по лестничной клетке Миша и смотрел растерянно. Месяцев понял: что-то случилось.

— Татьяна умерла, — проговорила жена.

— Я только что вошел к ней за сигаретами, а она сидит на стуле мертвая, — сказал Миша.

Татьяна — соседка по лестничной клетке. Они вместе въехали в этот дом двадцать лет назад. И все двадцать лет соседствовали. Месяцев сообразил: когда они с багажом загружались в лифт, в этот момент Миша вошел к Татьяне за сигаретами и увидел ее мертвой. И, ушибленный этим зрелищем, кинулся к ближайшим соседям сообщить. Радоваться и обниматься на этом фоне было некорректно. И надо же было появиться Мише именно в эту минуту...

— Да... — проговорил Месяцев.

— Как ужасно, — отозвалась дочь.

— А как это случилось? — удивился Юра.

— Пила, — сдержанно объяснил Миша. — У нее запой продолжался месяц.

— Сердце не выдержало, — вздохнула жена. — Я ей говорила...

Татьяне было сорок лет. Начала пить в двадцать. Казалось, она заложила в свой компьютер программу «Самоликвидация». И выполнила эту программу. И сейчас сидела за стеной мертвая, с серым спокойным лицом. А Месяцев заложил в свой компьютер программу «Самоусовершенствование». И выполнил эту программу. У каждого своя программа.

— Надо ее матери позвонить, — сказал Миша поднимаясь.

— Только не от нас, — испугался Алик.

— Ужас... — выдохнула жена.

Миша ушел. За ним закрыли дверь и почему-то открыли окна. Настроение было испорчено, но

чемоданы высились посреди прихожей и звали к жизни. Не просто к жизни, а к ее празднику.

Все в молчании выстроились в прихожей. Месяцев стал открывать чемоданы и вытаскивать красивые пакеты.

Жена при виде шубы остолбенела, и было так мило видеть шок счастья. Месяцев накинул ей на плечи драгоценные меха. Широкая длинная шуба не соответствовала ее росту. Жена была похожа на генерала гражданской войны в бурке.

Дочь скинула джинсы, влезла в маленькое платьице с голой спиной и стала крутиться перед зеркалом. Для того, чтобы увидеть со спины, она стала боком и изогнулась вокруг себя так ловко и грациозно, что Месяцев озадачился: как они с женой со своими скромными внешними возможностями запустили в мир такую красоту? Это не меньше, чем исполнительская деятельность.

Сын держал в руках куртку. Она полностью соответствовала его амбициям. Дорогая и скромная, как все дорогие вещи. Сын надел ее на себя и подпрыгнул два раза. Не очень высоко. Как цыпленок. Он и был еще маленький, несмотря на метр восемьдесят вверх.

Постепенно отвлеклись от соседки Татьяны. Переключились на свое. На радость встречи. Папочка приехал... Вопросы, опять вопросы, немцы, Шопен, Шнитке, закон о борьбе с преступностью, снова немцы, кулон с аметистом...

Жена накрыла на стол. Месяцев достал клубничный торт, купленный в аэропорту в последние минуты. Живые ягоды были затянуты нежной пленкой желе. Резали большими ломтями, чтобы каждому досталось много. Это входило в традиции семьи: когда вкусно, надо, чтобы было много.

Чужое горе, как это ни жестоко, оттеняло их благополучие. В компьютер жизни заложена позитивная программа, и она выполняется поэтапно. И в конце каждого этапа — праздник. Как сегодня. Долгий труд и успех — как результат труда. К тому шло. За стеной смерть. К тому шло: Татьяна на это работала.

Торт был легкий, с небольшим количеством сахара. Сын жевал вдохновенно, двигая головой то к одному плечу, то к другому.

И вдруг раздался вой. Значит, пришла мать Татьяны, которой позвонил Миша. Кухня размещалась далеко от лестничной клетки, но вой проникал через все стены. Он был похож на звериный, и становилось очевидно, что человек — тоже зверь.

Семья перестала жевать. У жены на глазах выступили слезы.

— Может быть, к ней зайти? — спросила дочь.

— Я боюсь, — отказался Юра.

— А чем мы можем помочь? — спросил Алик.

Все остались на месте.

Чай остыл. Пришлось ставить новый.

Вой тем временем прекратился. Должно быть, мать увели.

— Ну, я пойду, — сказал Юра.

Его неприятно сковывала близость покойника.

— Я тоже пойду, — поднялся сын.

У него за стенами дома текла какая-то своя жизнь.

Дочь пошла проводить жениха до машины. И застряла.

Месяцев принял душ и прилег отдохнуть. И неожиданно заснул.

А когда открыл глаза — было пять утра. За окном серая мгла. В Германии это было бы три часа. Месяцев стал ждать, когда уснет снова, но не получалось.

Совсем некстати вспомнил, как однажды, двадцать лет назад, он вошел в лифт вместе с Татьяной. На ней была короткая юбка, открывающая ноги полностью: от стоп в туфельках до того места, где две ноги, как две реки, сливаются в устье. Жена никогда не носила таких юбок. У нее не было таких ног.

Месяцева окатило странное желание: ему захотелось положить руки Татьяне на горло и войти в ее устье. Ему хотелось насиловать и душить одновременно и чтобы его оргазм совпал с ее смертной агонией. Они вместе содрогнулись бы в общем адском содрогании. Потом он разжал бы руки. Она упала бы замертво. А он бы вышел из лифта как ни в чем не бывало.

Они вышли из лифта вместе. Месяцев направился в одну сторону, Татьяна — в другую. Но недавнее наваждение заставило его остановиться и вытереть холодный пот со лба.

Месяцев испугался и в тот же день отправился к психиатру.

— Это ничего страшного, — сказал лысый психиатр. — Такое состояние называется «хульные мысли». От слова «хула». Они посещают каждого человека. Особенно сдержанного. Особенно тех, кто себя сексуально ограничивает. Держит в руках. Хульные мысли — своего рода разрядка. Человек в воображении прокручивает то, чего не может позволить себе в жизни...

Месяцев успокоился. И забыл. Татьяну он встречал время от времени и в лифте, и во дворе. Она очень скоро стала спиваться, теряла товарный вид и уже в тридцать выглядела на пятьдесят. Организм злопамятен. Ничего не прощает.

Сейчас, проснувшись среди ночи, Месяцев вспомнил ее ноги и подумал: по каким тропам идет сейчас Татьяна и что она видит вокруг себя, какие видения и ландшафты? И может быть, то, что она видит, гораздо существеннее и прекраснее того, что видит он вокруг себя...

Утром Месяцев тяжело молчал.

— Тебе надо подумать о новой программе, — подсказала жена.

Месяцев посмотрел на жену. Она не любила переодеваться по утрам и по полдня ходила в ночной рубашке.

— Еще одна программа. Потом еще одна? А жить?

— Это и есть жизнь, — удивилась жена. — Птица летает, рыба плавает, а ты играешь.

— Птица летает и ловит мошек. Рыба плавает и ищет корм. А я играю, как на вокзале, и мне кладут в шапку.

Было такое время в жизни Месяцева. Сорок лет назад. Отец-алкоголик брал его на вокзал, надевал лямки аккордеона и заставлял играть. Аккордеон был ему от подбородка до колен — перламутровый, вывезенный из Германии, военный трофей. Восемилетний Игорь играл. А в шапку бросали деньги.

— Ты просто устал, — догадалась жена. — Тебе надо отдохнуть. Сделать перерыв.

— Как отдохнуть? Сесть и ничего не делать?

— Поменяй обстановку. Поезжай на юг. Будешь плавать в любую погоду.

— Там война, — напомнил Месяцев.

— В Дом композиторов.

— Там композиторы.

— Ну, под Москву куда-нибудь. В санаторий.

На кухню вышел сын. Он был уже одет в кожаную новую куртку.

— Ты куда? — спросила жена.

Алик не ответил. Налил полную чашку сырой воды и выпил. Потом повернулся и ушел, хлопнув дверью.

Глаза жены наполнились слезами.

— Поедем вместе, — предложил Месяцев. — Пусть делают что хотят.

— Я не могу. У меня конкурс. — Жена вытерла слезы рукавом.

Жена готовила студентов к конкурсу. Студенты — ее вторая семья. Месяцев ревновал. Но сейчас не ревновал. Ему было все равно. Его как будто накрыло одеялом равнодушия. Видимо, соседка Татьяна второй раз включила его в нетрадиционное состояние. Первый раз — своим цветением, а второй раз — своей гибелью. Хотя при чем здесь Татьяна... Просто он бежит, бежит, бежит, как белка в колесе. Играет, играет, перебирает звуки. А колесо все вертится, вертится.

А зачем? Чтобы купить жене шубу, которая на ней как на корове седло.

Через неделю Месяцев жил в санатории.

Санаторный врач назначил бассейн, массаж и кислородные коктейли.

Месяцев погружался в воду, пахнущую хлоркой, и говорил себе: «Я сильный и молодой. Я вас всех к ногтю!» Кого всех? На этот вопрос он бы не мог ответить. У Месяцева не было врагов. Его единственные враги — лишний вес и возраст. Лишние десять лет и десять килограммов. Сейчас ему сорок восемь. А тридцать восемь — лучше. Сын был маленький и говорил, куда уходит. Дочь была маленькая, и ее не обнимал чужой и сумрачный Юра. Он сам был бы

молодой и меньше уставал. А жена... Месяцев не видел разницы. Жена как-то не менялась. Табуретка — устойчивая конструкция.

Месяцев врезался в воду и плыл стилем, сильно выкидывая из воды гладкое круглое тело. Он делал три заплыва — туда и назад. Потом вставал под горячий душ, испытывая мышечную радость, которая не меньше, чем радость душевная, чем радость от прекрасных созвучий. Однако зачем сравнивать, что лучше, что хуже. Должно быть то и другое. Гармония. Он загнал, запустил свое тело сидячим образом жизни, нагрузкой на позвоночник, отсутствием спорта. И в сорок восемь лет — тюфяк тюфяком. Вот Билл Клинтон — занят не меньше. А находит время для диет и для спорта.

Массажист нажимал на позвонки, они отзывались болью, как бы жаловались. Массажист — сильный мужик, свивал Месяцева в узел, дергал, выкручивал голову. Было страшно и больно. Зато потом тело наливалось легкостью и позвоночник тянул вверх, в небо. Хорошо. «Какой же я был дурак», — говорил себе Месяцев, имея в виду свое фанатичное пребывание за роялем, будто его приговорили высшим судом.

Но прошли две недели, и Месяцев стал коситься в сторону черного рояля, стоящего в актовом зале. А когда однажды подошел и поднял крышку, у него задрожали руки... Конечно, птица летает, ищет корм. Но птица и поет. А без этого она не птица, а летучая мышь.

Телефон-автомат располагался под лестничным маршем. Была поставлена специальная кабина со стеклянной дверью, чтобы изолировать звук. Обычно собиралась небольшая очередь, человека три-четыре. Но три-четыре человека — это почти час времени. Однако Месяцев запасался жетонами и запасался терпением. Ему необходимо было слышать голос жены. Этот голос как бы подтверждал сложившийся миропорядок, а именно: Земля крутится вокруг своей оси, на Солнце поддерживается нужная температура. Трубку снял сын.

— Мама на работе, — торопливо сказал сын.

— Ты не один? — догадался Месяцев.

— Мы с Андреем.

Андрей — школьный друг. Из хорошей семьи. Все в порядке.

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовался Месяцев.

— Смотрим видак. А что?

По торопливому «а что?» Месяцев догадался, что смотрят они не «Броненосец „Потемкин“».

— Новости есть?

— Нет, — сразу ответил сын.

— Ты в больницу ложишься?

— Завтра.

— Что же ты молчал?

— А что тут такого? Лягу, выйду... Андрей лежал — и ничего. Даже интересно.

— Андрею все интересно...

Месяцев расстроился. Запереть мальчика в сумасшедший дом...

Помолчали. Алик ждал. Месяцев чувствовал, что он ему мешает.

— А я соскучился, — вдруг пожаловался отец.

— Ага, — сказал сын. — Пока.

Месяцев положил трубку.

Он вдруг вспомнил, как его сын Алик осквернял праздничные столы. Когда стол был накрыт и ждал гостей, Алик входил и поедал украшения, выковыривал цукаты из торта. Он заносил руку и, как журавль, вытаскивал то, что ему нравилось. Дочь — наоборот, подходила и добавляла что-то от себя, ставила цветы. Вот тебе двое детей в одной семье.

«Отдать бы его в Армию, — подумал Месяцев, — там бы ему вставили мозги на место. Его мало били. Пусть государство откорректирует»...

Месяцев ощущал смешанное чувство ненависти, беспомощности и боли. И сквозь этот металлолом особенно незащищенно тянулся росток, вернее — ствол его любви. Как будто содрали кожу и ствол голый.

— Кто там? — спросил Андрей.

— Предок...

Алик вернулся к Андрею. Андрей уже приготовил все, что надо.

Алик не умел сам себе вколоть. Не мог найти вену.

— Привыкнешь... — пообещал Андрей.

Андрей помог Алику. И себе тоже вколол. Сгиб его руки был весь в точках.

Они откинулись на диван и стали ждать.

— Ну как? — спросил Андрей.

— Потолок побежал, — сказал Алик.

Потолок бежал быстрее, мерцая белизной.

Приближалось нужное состояние.

Поговорив с сыном, Месяцев решил позвониться жене на работу.

Номер был занят. Жена с кем-то разговаривала. Она любила трепаться по телефону и буквально купалась в своем голосовом журчанье. Как бывший президент Горбачев.

Месяцев хотел набрать еще раз, но возле телефона стояла женщина и ждала. Ее лицо буквально переливалось от нетерпения. Месяцев не любил заставлять ждать, причинять собой

неудобства. И еще не любил, когда кто-то дышит в спину. Он вышел из кабины, уступая место. Сел на стул, продолжая думать о Горбачеве. Вообще он был благодарен бывшему президенту. Именно Горбачев, и никто другой, дал ему весь мир, возможность путешествовать и не думать о деньгах. Запад торопливо скупал таланты, которые не нужны были в России. Россия лихорадочно становилась на новые рельсы. Ей не до Шопена.

Друзья-музыканты завидовали Месяцеву. А зависть — чувство не безобидное. Жена тщательно скрывала поездки. Она боялась, что вернутся красные и отведут мужа в тюрьму. Месяцев с женой родились в последний год войны, застали Сталина. Совок крепко и надежно сидел в них, как спинной мозг в позвоночнике.

Месяцев испытывал к бывшему президенту теплые чувства, однако, когда в последний раз слушал интервью с ним, его речевое кружение, понял, что время Горбачева ушло безвозвратно. На то, что можно сказать за четыре секунды, бывший президент тратил полчаса. Привычка коммуниста: говорить много и ничего не сказать. Как в дурном сне.

Женщина, которую он пропустил, высунулась из кабины и спросила:

— Вы не дадите мне жетон? В долг? У меня прервалось...

У Месяцева был всего один жетон. Он растерянно посмотрел на женщину. Она ждала, шумно дышала, и казалось, сейчас заплачет. Видимо, прервавшийся разговор имел отношение ко всей ее будущей жизни.

Месяцев протянул жетон.

Оставаться было бессмысленно. Месяцев отошел от автомата. Направился в кинозал.

Перед кинозалом продавали билеты. Деньги принимал довольно интеллигентный мужчина инженерского вида. Видимо, он искал себя в новых условиях и пошел продавать билеты.

— У вас нет жетонов для автомата? — спросил Месяцев.

— Все забрали, — виновато улыбнулся продавец. — Вот посмотрите...

Это «посмотрите» и виноватая улыбка еще раз убедили Месяцева в несоответствии человека и его места. Стало немножко грустно.

Он купил билет в кино.

Шел американский боевик. Гангстеры и полицейские вели разборки, убивали друг друга равнодушно и виртуозно. Стрельнул, убил и пошел себе по своим делам. Жизнь ничего не стоит.

«Неужели и русские к этому придут? — с ужасом думал Месяцев. — Неужели демократия и преступность — два конца одной палки? Если личность свободна, она свободна для всего...»

Фильм кончился благополучно для главного героя. Американский хеппи-энд. В отличие от русского мазохизма. Русские обязательно должны уконтропупить своего героя, а потом над ним рыдать. Очищение через слезы.

Месяцев вышел из кинозала и увидел женщину.

— Я забрала у вас последний жетон? — виновато спросила она.

— Ничего страшного, — великодушно отреагировал Месяцев.

— Нет-нет, — отказалась она от великодушия. — Я не успокоюсь. Может быть, в буфете есть жетоны?

Они спустились в буфет, но он оказался закрыт.

— Здесь рядом есть торговая палатка, — вспомнила женщина. — Они торгуют до часа ночи.

— Да ладно, — отмахнулся Месяцев. — Это не срочно.

— Нет, зачем же? — Она независимо посмотрела на Месяцева.

У нее были большие покрашенные глаза и большой покрашенный рот. Краска положена в пять слоев.

«Интересно, — подумал Месяцев, — как она целуется? Вытирает губы или прямо...»

Женщина повернулась и пошла к гардеробу. Месяцев покорно двинулся следом. Они взяли в гардеробе верхнюю одежду. Месяцев с удивлением заметил, что на ней была черная норковая шуба — точно такая же, как у жены. Тот же мех. Та же модель. Может быть, даже куплена в одном магазине. Но на женщине шуба сидела иначе, чем на жене. Женщина и шуба были созданы друг для друга. Она была молодая, лет тридцати, высокая, тянула на «вампа». Вамп — не его тип. Ему нравились интеллигентные тихие девочки, из хороших семей. И если бы Месяцеву пришла охота влюбиться, он выбрал бы именно такую, без косметики, с чисто вымытым, даже шелушащимся лицом. Такие не лезут. Они покорно ждут. А «вампы» проявляют инициативу, напористы и агрессивны. Вот куда она его ведет? И зачем он за ней следует? Но впереди три пустых часа, таких же, как вчера и позавчера. Пусть будет что-то еще. В конце концов, всегда можно остановиться, сказать себе: стоп!

Он легко шел за женщиной. Снег поскрипывал. Плыла луна. Она не надела шапки. Так ведут себя шикарные женщины — не носят головной убор. Лучшее украшение — это летящие, промытые душистым шампунем, чистые волосы. Но на дворе — вечер, и ноябрь, и ничего не видно.

Палатка оказалась открыта. В ней сидели двое: крашенная блондинка и чернявый парень, по виду азербайджанец. Девушка разместилась у него на коленях, и чувствовалось, что им обоим не до торговли.

— У вас есть жетоны? — спросила женщина.

— Сто рублей, — отозвалась продавщица.

— А в городе пятьдесят.

— Ну и езжайте в город.

— Бутылку «Адвокат» и на сдачу жетоны, — сказал Месяцев и протянул крупную купюру.

Ради выгодной покупки продавщица поднялась и произвела все нужные операции.

Месяцев взял горсть жетонов и положил себе в карман. А вторую горсть протянул своей спутнице.

— Интересное дело... — растерялась она.

Месяцев молча ссыпал пластмассовые жетоны ей в карман. Неужели она думала, что Месяцев, взрослый мужчина, пианист с мировым именем, как последний крохобор шагает по снегу за своей пластмассовой монеткой?

— И это тоже вам. — Он протянул красивую бутылку.

Женщина стояла в нерешительности.

— А что я буду с ней делать? — спросила она.

— Выпейте.

— Где?

— Можно прямо здесь.

— Тогда вместе.

Месяцев отвинтил пробку. Они пригубили по глотку. Ликер был сладкий. Стало весело. Как-то забыто, по-студенчески.

Медленно пошли по дорожке.

— Сделаем круг, — предложила женщина.

Моцион перед сном — дело полезное, но смущала ее открытая голова. Он снял с себя шарф и повязал ей на голову. В лунном свете не было видно краски на ресницах и на губах. Она была попроще и получше.

Месяцев сунул бутылку в карман.

— Прольетса, — сказала женщина. — Давайте я понесу.

Первая половина ноября. Зима — молодая, красивая. Белые деревья замерли и слушают. Ничего похожего нет ни на Кубе, ни в Израиле. Там только солнце или дожди. И больше ничего.

— Давайте познакомимся, — сказала женщина. — Я Люля.

— Игорь Николаевич.

— Тогда Елена Геннадьевна.

Выскочили две дворняжки и побежали рядом с одинаково поднятыми хвостами. Хвосты покачивались, как метрономы: раз-раз, раз-раз.

Елена Геннадьевна подняла бутылку и хлебнула. Протянула Месяцеву. Он тоже хлебнул.

Звезды мерцали, будто подмигивали. Воздух был холодный и чистый. Все вокруг то же самое, но под другим углом. Прежде размыто, а теперь явственно, наполнено смыслом и радостью, и если бы у Месяцева был хвост, он тоже качался, как метроном: раз-раз... раз-раз.

— Можно задать вам вопрос?

— Смотря какой.

— Нескромный.

— Можно.

— Вы, когда целуетесь, вытираете помаду или прямо?

— А вы что, никогда не целовали женщину с крашеными губами?

— Никогда, — сознался Месяцев.

— Хотите попробовать? — спросила Елена Геннадьевна.

— Что попробовать? — не понял Месяцев.

Елена Геннадьевна не ответила. Взяла его лицо обеими руками и подвинула к своему. Решила провести практические занятия. Не рассказать, а показать. Его сердце сделало кульбит, как в цирке вокруг перекладки. Не удержалось, рухнуло, ухнуло и забилось внизу живота. Месяцев обнял ее, прижал, притиснул и погрузился в ее губы, ощущая солоноватый химический привкус, как кровь. И эта кровь заставляла его звереть.

— Не сейчас, — сказала Елена Геннадьевна.

Но Месяцев ничего не мог с собой поделать. Он прижал ее к дереву. Но ничего не выходило. Вернее, не входило. Ее большие глаза были неразличимы.

— Люля, — сказал Месяцев хрипло. — Ты меня извини. У меня так давно этого не было.

А если честно, то никогда. Ведь он никогда не целовал женщин с крашеными губами. Месяцев стоял несчастный и растерянный.

— Идем ко мне, — так же хрипло сказала Люля. — Я тебе верю.

— К тебе — это далеко. Далеко. Я не дойду. Я не могу двинуться с места.

Она произвела какое-то освобождающее движение. Что-то сняла и положила в карман. Потом легла прямо на снег. А он — прямо на нее. Она видела его искаженное лицо над собой. Закрыла глаза, чтобы не видеть. Потом сказала:

— Не кричи. Подумают, что убивают.

...Он лежал неподвижно, как будто умер. Потом спросил:

— Что?

— Встань, — попросила Люля. — Холодно.

— А... да...

Месяцев поднялся. Привел себя в порядок. Зачерпнул горсть чистого снега и умыл лицо. В теле была непривычная легкость.

Он достал бутылку и сказал:

— Разлилось...

— На меня, — уточнила Люля. — На мою шубу.

— Плевать на шубу, — сказал Месяцев.

— Плевать на шубу, — повторила Люля.

Они обнялись и замерли.

«Боже мой, — подумал Месяцев. — А ведь есть люди, у которых это каждый день». Он жил без «этого». И ничего. Все уходило на другое. На исполнительскую деятельность. Но музыка — для всех. А это — для себя одного.

Собаки ждали. Месяцев пошел к корпусу. Люля — следом.

Вошли как чужие. Люля несла бутылку с ликером.

— Тут еще немного осталось, — сказала Люля.

— Нет-нет, — сухо отказался Месяцев.

Шуба была залита липким ликером. И это все, что осталось от большой страсти.

Люля повернулась и пошла.

Весь следующий день Месяцев не искал Елену Геннадьевну. Даже избегал. Он побаивался, что она захочет продолжить отношения. А какое может быть продолжение? Сын поступает в институт, дочь — невеста, Гюнтер вызванивает, Шопен ждет. А он под старость лет будет пристраиваться под елками, как собака Бобик.

Но Елена Геннадьевна не преследовала его, не искала встречи, что было странно.

По вечерам Месяцев смотрел «Новости». Но его телевизор сломался, как назло. Пришлось спуститься в холл, где стоял большой цветной телевизор. Елена Геннадьевна сидела в уголке. На ней была просторная исландская кофта цвета теплых сливок.

«Кто ей возит? — подумал Месяцев. — А кто возит моей жене? Может быть, у Елены Геннадьевны тоже есть муж? А почему нет? Она молодая шикарная женщина. Она немножко сошла с ума и позволила себе на природе». Хотя, если быть справедливым, это он сошел с ума, а ей было легче уступить, чем урезонивать. А потом она выбросила воспоминания, как пустую бутылку. Вот и все. У Месяцева затосковало под ложечкой.

Диктор тем временем сообщал, что в штате Калифорния произошли беспорядки. Негры на что-то обиделись и побили белых. Довольно сильно обиделись и сильно побили. И получилось, что недостатки есть и в Америке, а не только у нас. Значит, никто никого не хуже.

Месяцев сидел за ее спиной. Волосы Люля подняла и закрепила большой нарядной заколкой. Была видна стройная шея, начало спины с просвечивающими позвонками. У ровесниц Месяцева, да и у него самого шея расширилась, осела, и на стыке, на переходе в спину, холка

как у медведя. А тут молодость, цветение и пофигизм — термин сына. Значит, все по фигу. Никаких проблем. Отдалась первому встречному — и забыла. Сидит себе, даже головы не повернет. Ей тридцать лет. Вся жизнь впереди. А Месяцеву почти пятьдесят. Двадцать лет до маразма. Зачем он ей?

Люля поднялась и ушла, как бы в подтверждение его мыслей.

Диктор тем временем сообщал курс доллара на последних торгах. Курс неизменно поднимался, но этот факт не имел никакого значения. Люля вышла. На том месте, где она сидела, образовалась пустота. Дыра. В эту дыру сквозило.

Месяцев вышел из холла. Делать было решительно нечего. Домой звонить не хотелось.

Месяцев спустился в зал. Сегодня кино не показывали. Зал был пуст.

Месяцев подвинул стул к роялю. Открыл крышку. Стал играть «Времена года» Чайковского. Говорят, он писал этот альбом на заказ. Зарабатывал деньги.

«Ноябрь». Звуки — как вздохи. Месяцев чувствовал то же, что и Чайковский в минуты написания. А что? Очень может быть. Петру Ильичу было столько же лет.

Половина жизни. В сутках — это полдень. Еще живы краски утра, но уже слышен близкий вечер. Еще молод, но время утекает, и слышно, как оно шуршит. В мире существуют слова, числа, звуки. Но числа — беспощадны. А звуки — обещают. Месяцев играл и все, все, все рассказывал про себя пустому залу. Ничего не скрывал.

Открылась дверь, и вошла Елена Геннадьевна. Тихо села в последний ряд. Стала слушать.

Месяцев играл для нее. Даже когда зал бывал полон, Месяцев выбирал одно лицо и играл для него. А здесь этот один, вернее, одна уже сидела. И не важно, что зал пуст. Он все равно полон. Месяцев играл как никогда и сам это понимал. Интересно, понимала ли она...

Месяцев окончил «Осень». Поставил точку. Положил руки на колени, Елена Геннадьевна не пошевелилась. Не захлопала. Значит, понимала. Просто ждала. Это было грамотное консерваторское восприятие.

«Баркарола». Он играл ее бесстрастно, как переводчик наговаривает синхронный текст. Не расцветчивал интонацией, не сообщал собственных переживаний. Только точность. Только Чайковский. Мелодия настолько гениальна, что не требовала ничего больше. Только бы донести. Все остальное — лишнее, как третий глаз на лице.

Еще одна пьеса: «На святках». Очень техничная. Техника — это сильная сторона пианиста Месяцева. Техника, сила и наполненность удара. Месяцев знал, что мог поразить. Но никогда не поражал специально. Музыка была для него чем-то большим, над человеческими страстями. Как вера.

Он сыграл последнюю музыкальную фразу. Подождал, пока в воздухе рассеется последний звук. Потом тихо опустил крышку. Встал.

Елена Геннадьевна осталась сидеть. Месяцев подошел к ней. Сел рядом. В ее глазах стояли слезы.

— Хотите кофе? — спросил Месяцев. — Можем пойти в бар.

— Нет-нет... Спасибо... — торопливо отказалась она.

— Тогда погуляем?

Они опять, как вчера, вышли на дорогу. Но и только. Только на дорогу. Луна снова сопровождала их. И еще привязались вчерашние собаки. Видимо, они были бездомны, а им хотелось хозяина.

Шли молча.

— Расскажите о себе, — попросил Месяцев.

— А нечего рассказывать.

— То есть как?

— Вот так. Все, что вы видите перед собой. И это все.

— Я вижу перед собой женщину — молодую, красивую и умную.

— Больную, жалкую и одинокую, — добавила Елена Геннадьевна.

— Вы замужем?

— Была. Мы разошлись.

— Давно?

— Во вторник.

— А сегодня что?

— Сегодня тоже вторник. Две недели назад.

— А чья это была инициатива?

— Какая разница?

— Все-таки разница. Это ваше решение или оно вам навязано?

— Инициатива, решение... — передразнила Елена Геннадьевна. — Просто я его бросила.

— Почему?

— Надоело.

— А подробнее?

— Что может быть подробнее? Надоело, и все.

В стороне от дороги виднелась вчерашняя палатка. Они прошли мимо. Вчерашняя жизнь не имела к сегодняшней никакого отношения. Месяцеву было странно даже представить, что он и эта женщина были вчера близки. У Месяцева застучало сердце. Он взял ее ладонь и приложил к своему сердцу. Они стояли и смотрели друг на друга. Его сердце толкалось в ее ладонь — гулко и редко. Она была такая красивая, как не бывает.

— Я теперь как эта собака, — сказала Люля. — Любой может поманить. И пнуть. И еще шубу испортила.

Он подвинул ее к себе за плечи и поцеловал в щеку. Щека была соленая.

— Не плачь, — сказал он. — Мы поправим твою шубу.

— Как?

— Очень просто: мыло, расческа и горячая вода. А на ночь — на батарею.

— Не скукожится? — спросила она.

— Можно попробовать. А если скукожится, я привезу тебе другую. Такую же.

Они торопливо пошли в корпус, как сообщники. Зашли в ее номер.

Люля сняла шубу. Месяцев пустил в ванной горячую струю. Он не знал, чем это кончится, поскольку никогда не занимался ни стиркой, ни чисткой. Все это делала жена. Но в данную минуту Месяцев испытывал подъем сил, как во время удачного концерта. В его лице и руках была веселая уверенность. Интуиция подсказала, что не следует делать струю слишком горячей и не следует оставлять мех надолго в воде. Он намылил ворсинки туалетным мылом, потом взял расческу и причесал, снова опустил в воду, и так несколько раз, пока ворсинки не стали легкими и самостоятельными. Потом он закатал край шубы в полотенце, промокнул насухо.

— У тебя есть фен? — Вдруг осенило, что мех — это волосы. А волосы сушат феном.

Люля достала красивый фен. Он заревел, как вертолет на взлете, посылая горячий воздух. Ворсинки заметались и полегли.

— Хватит, — сказала Люля. — Пусть остынет.

Выключили фен, повесили шубу на вешалку.

— Хотите чаю? — спросила Люля. — У меня есть кипятыльник.

Она не стала дожидаться ответа. Налила воду в кувшин, сунула туда кипятыльник. На ней были синие джинсы, точно повторяющие линии тела, все его углы и закоулки. Она легко садилась и вставала, и чувствовалось, что движение доставляет ей мышечную радость.

— А вы женаты? — спросила Люля.

— У меня есть знакомый грузин, — вспомнил Месяцев. — Когда его спрашивают: «Ты женат?» — он отвечает: «Немножко». Так вот я очень женат. Мы вместе тридцать лет.

— Это потому, что у вас есть дело. Когда у человека интересная работа, ему некогда заниматься глупостями: сходитьсь, расходиться...

— Может быть, — задумался Месяцев. — Но разве вы исключаете любовь в браке? Муж любит жену, а жена любит мужа.

— Если бы я исключала, я бы не развелась.

— А вам не страшно остаться одной, вне крепости?

— Страшно. Но кто не рискует, тот не выигрывает.

— А на что вы будете жить? У вас есть профессия?

— Я администратор.

— А где вы работаете?

— Работала. Сейчас ушла.

— Почему?

— Рыночная экономика требует новых законов. А их нет. Законы плавают. Работать невозможно. Надоело.

— Но у вас нет мужа, нет работы. Как вы собираетесь жить?

— Развлекать женатых мужчин на отдыхе.

— Вы сердитесь?

— Нет. Констатирую факт.

— Если хотите, я уйду.

— Уйдете, конечно. Только выпьете чай.

Она разлила кипяток по стаканам, опустила пакетики с земляничным чаем. Достала коробку с шоколадными конфетами. Конфеты были на морскую тему, имели форму раковин и рыб. Месяцев взял морского конька, надкусил, заглянул в середину.

Со дна стакана капали редкие капли. Люля развела колени, чтобы капало на пол, а не на ноги.

Месяцев поставил свой стакан на стол. Опустил глаза, чтобы не смотреть в эти разведенные колени и чтобы она не увидела, не перехватила его взгляд.

Все было правдой. Он, прочно женатый человек, развлекался во время отдыха с разведенной женщиной. Это имело разовый характер, как разовая посуда. Попользовался и выбросил. Но есть и другая правда. Он, не разрешавший себе ничего и никогда, вдруг оказался во власти бешеного желания, как взбесившийся бык, выпущенный весной из сарая на изумрудный луг. И вся прошлая сексуальная жизнь — серая и тусклая, как сарай под дождем.

Месяцев опустился на пол, уткнулся лицом в ее колени.

— Раздень меня, — сказала Люля.

Он осторожно расстегнул ее кофту. Увидел обнаженную грудь. Ничего похожего он не видел никогда в своей жизни. Просто не видел — и все. Ее тело было сплошным, как будто сделанным из единого куска. Прикоснулся губами. Услышал запах сухого земляничного листа. Что это? Духи? Или так пахнет молодая цветущая кожа?

Месяцеву не хотелось быть грубым, как тогда на снегу. Хотелось нежности, которая бы

затопила его с головой. Он тонул в собственной нежности.

Люля поставила стакан с чаем на стол, чтобы не пролить ему на голову. Но Месяцев толкнул стол, и кипяток вылился ему на спину. Он очнулся, поднял лицо и бессмысленно посмотрел на Люлю. Ей стало смешно, она засмеялась, и этот смех разрушил нежность. Разрушил все. Месяцеву показалось — она смеется над ним и он в самом деле смешон.

Поднялся. Пошел в ванную. Увидел в зеркале свое лицо. И подумал: обжегся, дурак... Душу обожгло. И тело. И кожу. Он снял рубашку, повесил ее на батарею. Рядом на вешалке висела шуба.

Люля вошла, высокая, белая и обнаженная.

— Обиделся? — спросила она и стала расстегивать на нем молнию.

— Что ты делаешь? — смутился Месяцев.

— Угадай с трех раз.

«Почему с трех раз?» — подумал он, подчиняясь, откидываясь к стене.

Это было чувство обратное боли. Блаженная пытка, которую нет сил перетерпеть. В нем нарастал крик. Месяцев зарыл лицо в шубу. Прикусил мех.

Потом он стоял зажмурясь. Не хотелось двигаться. Она обняла его ноги. Ей тоже не хотелось двигаться. Было так тихо в мире... Выключились все звуки. И все слова. И все числа. Бог приложил палец к губам и сказал: тсс-с-с...

Потом была ночь. Они спали друг возле друга, обнявшись, как два зверька в яме. Или как два существа, придавленные лавиной, когда не двинуть ни рукой, ни ногой и непонятно, жив ты или нет.

Среди ночи проснулся оттого, что жив. Так жив, как никогда. Он обладал ею спокойно и уверенно, как своей невестой, которая еще не жена, но и не посторонняя.

Она была сонная, но постепенно просыпалась, включалась, двигалась так, чтобы ему было удобнее. Она думала только о нем, забыв о себе. И от этого самоотречения становилась еще больше собой. Самоотречение во имя наивысшего самовыражения. Как в музыке. Пианист растворяется в композиторе. Как в любви. Значит, любой творческий процесс одинаков.

Концерт был сыгран. А дальше что?

А дальше новая программа.

За Месяцевым приехала дочь. На ней была теплая черная шапочка, которая ей не шла. Можно сказать — уродовала. Съедала всю красоту.

Люля вышла проводить Месяцева. Ее путевка кончалась через неделю.

— Это моя дочь, Анна Игоревна, — познакомил Месяцев. — Она некрасивая, но хороший человек.

— Это главное, — спокойно сказала Люля, как бы согласившись, что Аня некрасива. Не поймала шутки.

Аня была всегда красива, даже в этой уродливой шапке. Всем стало неловко, в особенности Ане.

— Счастливо оставаться, — пожелал Месяцев.

— Да-да... — согласилась Люля. — И вам всего хорошего.

Месяцев с пристрастием посмотрел на шубу. Она не скукожилась. Все было в порядке.

Машина тронулась.

Обернувшись, он видел, как Люля уходит, и еще раз подумал о том, что шуба не пострадала. Все осталось без последствий.

Месяцев прошел в свой кабинет и включил автоответчик.

Студия звукозаписи. Просили позвонить. Тон нищенский. Платили копейки, так что работать приходилось практически бесплатно. Но Месяцев соглашался. Пусть все вокруг рушится и валится, а музыка должна устоять.

Гюнтер. Просил отзвонить в Мюнхен. Он, оказывается, за это время приезжал в Москву, но не дождался. Уехал. Его ограбили на Красной площади. Набежала туча цыганят, облепили, обшарили и разбежались. И, когда разбежались, выяснилось, что у него нет кошелька.

Месяцев представил себе цыганят — хорошеньких, большеглазых и чумазых. Ударить невозможно и терпеть противно. Наивное детство плюс законченный цинизм. Бедный Гюнтер.

Звонок из дачного поселка. Срочно требуют деньги на ремонт дороги. Полтора миллиона, ни больше и ни меньше.

Звонок из Марселя. Турне по югу Франции.

Газета «Аргументы и факты» — интервью.

Австрийское телевидение.

Московское телевидение.

Сюткин. Какой еще Сюткин?

На кухне сидела теща Лидия Георгиевна, перебирала гречку. Она жила в соседнем доме, была приходящая и уходящая. Близко, но не вместе, и это сохраняло отношения.

Готовила она плохо. Есть можно, и они ели. Но еда неизменно была невкусной. Должно быть, ее способности лежали где-то в другой плоскости. Теща — органически справедливый человек. Эта справедливость ощущалась людьми, и к ней приходили за советом. Она осталась без мужа в двадцать девять лет. Он бросил ее. Во время похорон Сталина его затоптали. Ушел и не вернулся. И ничего не осталось. Должно быть, затоптали и размазали по асфальту. Она старалась об этом не думать. Сейчас, в свои семьдесят лет, ей ничего не оставалось, как любить свою дочь, внуков, зятя. Игорь всегда ощущал ее молчаливую привязанность и сам

тоже был привязан.

Со своей матерью Месяцев виделся редко. Она жила в Ялте, у нее был собственный дом. На лето мать перебиралась в сарайчик, а дом сдавала отдыхающим. Копила деньги на зиму. Жильцы приезжали из года в год одни и те же. Образовалось что-то вроде дополнительной семьи. Эти дополнительные родственники терзали Месяцева просьбами, поручениями. Мать неизменно хвасталась, что у нее сын великий пианист, большой человек. А у больших людей — большие возможности.

Раз в год она приезжала к сыну в Москву и, чтобы не выглядеть приживалкой, затевала в доме генеральную уборку: стирала занавески, мыла окна, перебирала шкафы. И при этом беспрестанно разговаривала, делилась впечатлениями о жизни. Все в доме становилось вверх дном, никто ничего не мог найти. Никто не мог сосредоточиться на своей жизни. Все покорялись ее воле и ходили угнетенные. И тихо ждали, когда все кончится и она уедет.

Наконец мать уезжала, снабженная деньгами и подарками. Квартира и в самом деле сверкала, как невеста, сияла окнами, свежестью, как будто ее всю вытряхнули и выветрили на воздухе. Мать как бы оставляла после себя свою любовь и свой привет. И становилось грустно: отчего близкие люди так отчуждены друг от друга... Месяцева мучила совесть, он даже иногда плакал украдкой. Но жить с матерью он не мог. Мать была слишком активной в отличие от Лидии Георгиевны. Она не умела растворяться. И не хотела. Она должна была выразить себя. Видимо, эту черту Месяцев унаследовал от матери.

Сюткин... Месяцев вдруг вспомнил: это родственник ялтинских постояльцев. Он решил открыть собственную булочную, и в этой связи Месяцев должен идти в правительство и просить для Сюткина денег.

Месяцев не умел просить и унижаться. Но мать наивно полагала, что ее сын, процветая сам, должен бескорыстно помогать людям. Как бы платить процент от успеха. А скорее всего, просто хвасталась своим сыном.

Месяцеву нечем хвастать. Его сын — в сумасшедшем доме. Косит от Армии. Дочь учится на тройки. Посредственно. По своим средствам. Ни один не унаследовал его способностей и трудолюбия.

Месяцев стал делать необходимые звонки.

Своему помощнику Сергею, чтобы начинал оформление во Францию.

Дирижеру, чтобы согласовать время репетиций.

В Мюнхен.

На телевидение.

И так далее. И тому подобное.

Привычная жизнь постепенно втягивала, и это было как возвращение на родину. Месяцев — человек действия. И отсутствие действия угнетало, как ностальгия. Ностальгия по себе.

Больница оказалась чистая. Полы вымыты с хлоркой, правда, линолеум кое-где оборван и мебель пора на помойку. Если присмотреться, бедность сквозила во всем, но это если

присмотреться. Больные совершенно не походили на психов. Нормальные люди. Было вообще невозможно отделить больных от посетителей.

Месяцев успокоился. Он опасался, что попадет в заведение типа палаты номер шесть, где ходят Наполеоны и Навуходносоры, а грубый санитар бьет их кулаком в ухо.

Алик вышел к ним в холл в спортивном костюме «Пума». Он был в замечательном настроении — легкий, расслабленный. Единственно — сильно расширены зрачки. От этого глаза казались черными.

— Ты устаеть? — спросил Месяцев.

— От чего? — весело удивился Алик.

— Тебя лечат? — догадался Месяцев.

— Чем-то лечат, — рассеянно сказал Алик, оборачиваясь на дверь. Он кого-то ждал.

— Зачем же лечить здорового человека? — забеспокоилась жена. — Надо поговорить с врачом.

В холл вошел Андрей. Друг Алика.

Какое-то время все сидели молча, и Месяцев видел, что Алик тяготится присутствием родителей. С ровесниками ему интереснее.

Жена выложила передачу на стол: горячее мясо в фольге. Икру в баночке. Фрукты. Алик тут же подвинул баночку к себе и начал выедать икру пальцем. Андрей принялся за мясо.

Теща ходила по магазинам, потом готовила весь день. То, на что ушло время, труд и деньги, истреблялось за минуту.

— Оставь на завтра, — не выдержала жена.

— А тебе что, жалко? — удивился Алик, глядя весело, без обиды.

— Ладно. Пойдем, — сказал Месяцев. — Надо еще с врачом поговорить.

Врача не оказалось на месте. А медсестра сидела на посту и работала. Что-то писала.

— Можно вас спросить? — деликатно отвлек ее Месяцев.

Медсестра подняла голову, холодно посмотрела.

— Вы не знаете, почему Месяцева перевели в общую палату?

— Ему пронесли недозволенное. Он нуждается в контроле.

— Что вы имеете в виду? — удивился Месяцев.

— Спиртное. Наркотики.

— Вы что, с ума сошли? — вмешалась жена.

— Я? Нет. — Медсестра снова склонилась над своей работой.

Месяцев с женой вышли в коридор.

— Глупости, — возмутилась жена. — Они все выдумывают. Деньги вымогают. Сейчас врачи — как шабашники.

— Неизвестно, — мрачно предположил Месяцев. — От него всего можно ждать.

— О чем ты говоришь? — строго упрекнула жена.

— Что слышишь. Ты и твоя мамаша сделали из него монстра.

Спустились в гардероб. В гардеробе продавали жетоны. При виде жетонов у Месяцева что-то защемило, затосковало в середине.

У входа стояли омовцы в пятнистых формах. У гардероба черный парень продавал бананы и киви. Месяцев слышал, что эти черные парни — скупщики. Естественно, не сами же они выращивали бананы и киви.

Всего этого не было раньше: ни киви, ни ОМОНа, ни черных парней.

— Надо поскорее забрать его отсюда, — сказал Месяцев. — Поговори с врачом.

— Я говорила. Еще три недели.

— Это долго.

— А два года в Армии не долго?

Месяцев вдруг подумал, что не взял домашний телефон Елены Геннадьевны. И свой не оставил. И значит, потерял ее навсегда. Фамилии он не знает. Места работы у нее нет. Остается надеяться, что она сама его найдет. Но это маловероятно.

— Надо терпеть, — сказала жена.

Надо терпеть разлуку с Люлей. Сына в сумасшедшем доме под охраной ОМОНа.

Как терпеть? Куда спрятаться?

В музыку. Куда же еще...

Ночью жена лежала рядом и ждала. Они так любили объединяться после разлук. Жена хотела прильнуть к его ненадоедающему телу — гладкому, как у тюленя. Но не посмела приблизиться. От мужа что-то исходило, как биотоки против комаров. Жена преодолела отрицательные токи и все-таки прижалась к нему. Месяцев сжал челюсти. Его охватил мистический ужас, как будто родная мать прижалась к нему, ожидая физической близости. С одной стороны — родной человек, роднее не бывает. С другой — что-то биологически противоестественное.

— Что с тобой? — Жена подняла голову.

— Я забыл деньги, — сказал Месяцев первое, что пришло в голову.

— Где?

— В санатории.

— Много?

— Тысячу долларов.

— Много, — задумчиво сказала жена. — Может, позвонить?

— Вот это и не надо делать. Если позвонить и сказать, где деньги, придут и заберут. И скажут: ничего не было. Надо поехать, и все.

— Верно, — согласилась жена.

— Смена начинается в восемь утра. Значит, в восемь придут убираться. Значит, надо успеть до восьми.

Месяцев никогда не врал. Не было необходимости. И сейчас он поражался, как складно у него все выходило.

Жена поверила, потому что привыкла верить. И поверила, что тысяча долларов отвлекает его от любви. Они разошлись под разные одеяла.

Дом затих. В отдалении вздыхал и всхлипывал холодильник.

Месяцев встал в шесть утра. Машина отсырела за ночь. Пришлось вывинчивать свечи и сушить их на электрической плите. Спать не хотелось. Никогда он не был так спокоен и ловок. Пианист в нем куда-то отодвинулся, выступил кто-то другой. Отец был не только гармонист. В трезвые периоды он ходил по домам, крыл крыши, клал печи. Отец был мастеровой человек. Может быть, в Месяцеве проснулся отцовский ген. Хотя при чем тут ген... Он соскучился. Жаждал всем существом. Хотелось вобрать ее всю в свои глаза, смотреть, вдыхать, облизывать горячим языком, как собака облизывает щенка, и проживать минуты, в которых все, все имеет значение. Каждая мелочь — не мелочь, а событие.

Машина завелась. Какое удовольствие ехать на рассвете по пустой Москве. Он никогда не выезжал так рано. Подумал: хорошо, что Люля разошлась. Иначе приходилось бы прятаться обоим: ей и ему. А так только он. Ему прятаться, а ей приспособливаться. А вдруг она не захочет приспособливаться... А вдруг он сейчас заявится, а там муж... Приехал мириться.

Зажегся красный свет. Месяцев затормозил. Потом желтый, зеленый, а он стоял. Как будто раздумывал: ехать дальше или вернуться... Это так логично, что муж приехал мириться. И она помирится, особенно после того, как Месяцев уехал с дочерью, пожелав счастливо оставаться. Оставайся и будь счастлива без меня. А я домой, к семье, к жене под бочок.

Муж — это материальная поддержка, положение в обществе, статус, может быть — отец ребенка. А что может дать Месяцев? То, что уже дал. А потом сел и уехал. И даже не спросил телефон.

«Если муж в номере, я сделаю вид, что перепутал, — решил Месяцев и тронул машину. — Скажу: „Можно Колю?“ Он спросит: „Какого Колю?“ Я скажу: „Ах, извините, я не туда попал“...»

Месяцев подъехал к санаторию. Здание прорисовывалось в утренней мгле, как корабль.

Волнение ходило в нем волнами. Месяцев впервые подумал, что это слова одного корня. Волны

поднимались к горлу, потом наступала знобкая пустота, значит, волны откатывались.

Месяцев подергал дверь в корпус. Дверь была заперта. Он позвонил. Стал ждать. Вышла заспанная дежурная, немолодая и хмурая.

Ей было под пятьдесят. Ровесница. Но женщина не играла больше в эти игры и осела, как весенний снег. А он — на винте. Того и гляди взлетит. Но и он осядет. К любому Дон-Жуану приходит Командор по имени «старость».

Месяцев поздоровался и прошел. Дежурная ничего не спросила. Его невозможно было ни спросить, ни остановить.

Комната Елены Геннадьевны находилась на втором этаже. Невысоко. Но Месяцев стоял перед дверью и не мог справиться с дыханием. Осторожно повернул ручку, подергал. Дверь была заперта, естественно. Месяцев стоял в нерешительности, не понимая, что делать дальше. Еще рано — нет и семи часов. Стучать неудобно и опасно. Стоять перед дверью — тоже неудобно и нелепо. Остается ходить перед корпусом и ждать. Либо садиться в машину и возвращаться.

Дверь раскрылась. Она стояла сонная в ночной пижаме и смотрела безо всякого выражения. Без краски она казалась моложе и проще, как старшеклассница. Люля не понимала, как Месяцев оказался перед ее дверью, если он вчера уехал. Она ни о чем не спрашивала. Ждала. Месяцев стоял молча, как перед расстрелом, когда уже ничего нельзя изменить.

Секунды протекали и капали в вечность. Месяцев успел заметить рисунок на ее пижаме: какие-то пляжные мотивы, пальмы. Может быть, человек перед расстрелом тоже успевает заметить птичку на ветке.

Люля сделала шаг в сторону, давая дорогу. Месяцев шагнул в номер. Люля закрыла за ним дверь и повернула ключ. Звук поворачиваемого затвора стал определяющим. Значит, они вместе. Они одни.

Говорить было не обязательно, поскольку слова ничего не значили. Когда лавина набирает скорость, она все сбрасывает на своем пути: дома, деревья, электрические столбы. Говорят, перед спуском лавины наступает особая тишина. Видимо, природа замирает, перед тем как свершить свою акцию. А может быть, задумывается. Сомневается: стоит ли? Потом решается: стоит. И — вперед. И уже ничего не учитывается, все под бритву — люди, их жизни, их труд. Идет лавина. И обижаться не на кого. Никто не виноват.

Он поднял ее на руки, а правильнее — сгреб.

— Больно, — сказала Люля.

Но ему хотелось, чтобы ей было больно. Хотелось насилия, полной и грубой власти над ее телом. Как будто вымещал, мстил за свою зависимость от нее, за свою мучительную ревность, которая еще не осела в нем.

Месяцев никогда не ревновал жену. Он ей верил. К тому же Ирина (так звали жену) всегда была неярким, скромным цветком. Как клевер. А к такому буйному и благоуханному цветению, как Люля, должны были слетаться все шмели со всех континентов.

Потом они лежали и смотрели в потолок.

— Ты извращенец, — сказала Люля.

— Я девственник, — серьезно ответил Месяцев.

Они пошли под душ. Стали мыть друг друга. Вода стекала по их лицам и телам. Люля подняла голову и жмурилась от падающих струй.

Напустили полную ванну и уселись друг против друга. Он вытащил из воды ее ступню и положил себе на лицо.

Сидели и отдыхали, наслаждаясь покоем, водной средой и присутствием друг друга.

— Я боюсь, — сказал вдруг Месяцев.

Она посмотрела с хорошим, наивным выражением:

— Чего ты боишься?

— Себя. Тебя. Это все черт знает что. Это ненормально.

— Желать женщину и осуществлять свое желание — вполне нормально.

— Это не мешает моей музыке?

— Нет. Это мешает твоей жене.

— А как быть?

— Ты должен выбрать, что тебе важнее.

— Я уже ничего не могу...

Лавина не выбирает. Как пойдет, так и пойдет.

Вода постепенно остыла. Они тщательно вытерли друг друга. Перешли на кровать. И заснули. И спали до часу дня.

Потом проснулись и снова любили друг друга. Осторожно и нежно. Он боялся причинить ей вред и боль, он задыхался от нежности, нежность рвалась наружу, хотелось говорить слова. Но он боялся их произносить, потому что за слова надо потом отвечать. Он привык отвечать за свои слова. Но молчать не было сил. Повторял беспрестанно: Люля... Люля... Люля... Люля... Люля...

В три часа они оделись и пошли в столовую.

Обед был дорогой и невкусный, но они съели его с аппетитом. Месяцеву нравилось, что они одеты. Одежда как бы устанавливала дистанцию, разводила на расстояние. А с расстояния лучше видно друг друга. Он знал все изгибы и тайны ее тела. Но ее души и разума он не знал совсем. Они как бы заново познакомились.

Логично узнать сначала душу, потом тело. Но ведь можно и наоборот. У тел — своя правда. Тела не врут.

Люля накрасила глаза и губы, по привычке. Косметика делала ее далекой, немножко высокомерной.

— У тебя есть дети? — спросил Месяцев.

— Дочь. Пятнадцать лет.

— А тебе сколько?

— Тридцать четыре.

Он посчитал, сколько ей было, когда она родила. Девятнадцать. Значит, забеременела в восемнадцать. А половую жизнь начала в шестнадцать. Если не в пятнадцать...

Ревность подступила к горлу, как тошнота.

— Это моя дочь от первого брака, — уточнила Люля.

— Сколько же у тебя было мужей?

— Два, — просто сказала Люля.

— Не много?

— Первый — студенческий. Дурацкий. А второй сознательный.

— Что же ты ушла?

— Надоело. Я ведь говорила.

— А любовники у тебя были?

— Естественно, — удивилась Люля.

— Почему «естественно»? Совсем не естественно. Вот у моей жены нет других интересов, кроме меня и детей.

— Если бы у меня был такой муж, как ты, я тоже не имела бы других интересов.

В груди Месяцева взмыла симфония «Ромео и Джульетта» Чайковского. Тема любви. Он был музыкант, и все лучшее в его жизни было связано со звуками.

Он не мог говорить. Сидел и слушал в себе симфонию. Она тоже молчала. Значит, слышала его. Понимала. Ловила его волны. Месяцев очнулся:

— А где твоя дочь сейчас?

— С матерью моего мужа.

— Ты не помирись с мужем?

— Теперь нет.

Месяцев смотрел в стакан с компотом, чтобы не смотреть на Люлю. Логично было сказать: «Давай не будем расставаться». Но этого он сказать не мог. Ирина, Алик, Аня и теща. Да, и

теща, и жених Ани, все они — планета. А Люля — другая планета. И эти планеты должны вращаться вокруг него, как вокруг Солнца. Не сталкиваясь. А если столкнутся — вселенская катастрофа. Конец мира. Апокалипсис.

— Я чего приехал... — пробормотал Месяцев. — Я не взял твой телефон.

— Я запишу своей рукой, — сказала Люля.

Она взяла его записную книжку, вынула из сумочки карандаш. Открыла на букву "Л" и записала крупными цифрами. Подчеркнула. Поставила восклицательный знак.

Шел пятый час. Месяцеву надо было уезжать. Ревность опять подняла голову, как змея.

— Нечего тебе здесь делать, — сказал он. — В номере воняет краской. Обед собачий. Ты одна, как сирота в интернате.

— А дома что? — спросила Люля. — Тут хоть готовить не надо.

— Я не могу без тебя, — сознался Месяцев.

— Ты делаешь мне предложение?

— Нет, — торопливо отрекся он.

— Тогда куда торопиться? Еще неделя, другая... Куда мы опаздываем?

— Я не могу без тебя, — повторил Месяцев.

— Я тебе позвоню, — пообещала Люля. — Дай мне твой телефон.

— Мне не надо звонить.

— Почему? — спросила Люля.

— Не принято.

— Понятно... — проговорила Люля. — Жена — священная корова.

— Похоже, — согласился Месяцев. — Я сам тебе позвоню. Давай договоримся...

— Договариваются о бизнесе. А здесь стихия. Ветер ведь не договаривается с поляной, когда он прилетит...

«Здесь не ветер с поляной. А лавина с горами», — подумал Месяцев, но ничего не сказал.

Люля стала какая-то чужая. Жесткая. И ему захотелось вынести себя за скобки. Пусть плавает по своей орбите. А он — по своей.

Месяцев возвращался в город. Он обманул по крайней мере троих: журналиста, помощника Сережу и старинного друга Льва Борисовича, к которому обещал зайти. Однако журналисты — люди привычные. Их в дверь — они в окно. Сережа получает у него зарплату. А старинный друг — на то и друг, чтобы понять и простить.

О том, что он обманывает жену, Месяцев как-то не подумал. Люля и Ирина — это две параллельные прямые, которые не пересекутся, сколько бы их ни продолжали. Два параллельных мира со своими законами.

«Ветер, — вспомнил Месяцев. — Стихия. Врет все. Кому она звонила, когда просила жетон? И какое напряженное было у нее лицо... Что-то не получалось. С кем-то выясняла отношения. Конечно же, с мужчиной... Женщина не может уйти от мужа в пустоту. Значит, кто-то ее сманил. Пообещал, а потом передумал. И она села между двух стульев. Поэтому и плакала, когда сидела в зале и слушала музыку. Поэтому и отдалась на снегу. Мстила. А сейчас наверняка звонит и задает вопросы».

Месяцев развернул машину и поехал обратно. Зачем? Непонятно. Что он мог ей предложить? Часть себя. Значит, и он тоже должен рассчитывать на часть. Не на целое. Сознанием он все понимал, но бессознательное развернуло его и гнало по кольцевой дороге.

Месяцев подъехал к корпусу. Вышел из машины.

Дежурная сменилась. Была другая.

— Вам кого? — спросила она.

— Елену Геннадьевну.

— Как фамилия?

— Я не знаю, — сказал Месяцев.

— А в каком номере?

— Не помню. — Месяцев зрительно знал расположение ее номера.

— Куда — не знаете, к кому — не знаете. Мы так не пропускаем, — строго сказала дежурная, глядя мимо. По этому ускользающему взгляду Месяцев понял, что она хотела деньги. Месяцеву было не жаль денег, но он не выносил унижения. Хамство маленького человека. Потому что у Большого человека хамства не бывает.

Он не стал препираться, отошел от корпуса, отодвинул себя от хамства. Стоял на дороге, наклонив голову, как одинокий конь. Люля шла по знакомой дороге — высокая, прямая, в длинной шубе и маленькой спортивной шапочке, надвинутой на глаза. Она увидела его и не побежала. Спокойно подошла. Так же спокойно сказала:

— Я знала, что увижу тебя.

— Откуда ты знала? Я же уехал.

Люля молчала. Что можно было ответить на то, что он уехал и снова оказался на прежнем месте? Она как будто определила радиус, за который он не мог выскочить.

— Я не имею права тебя расспрашивать, — мрачно сказал Месяцев.

— Не расспрашивай, — согласилась Люля.

— Не обманывай меня. Я прощаю все, кроме лжи. Ложь меня убивает. Убивает все чувства. Я тебя умоляю...

Месяцев замолчал. Он боялся, что заплачет.

— Если хочешь, оставайся на ночь, — предложила Люля. — Уже темно. Утром поедешь.

— Не хочу я на ночь. Не нужны мне эти разовые радости. Я хочу играть и чтобы ты слушала. Хочу летать по миру и чтобы ты сидела рядом со мной в самолете и мы читали бы журналы. А потом селились в дорогих гостиницах и начинали утро с апельсинового сока...

Он бормотал и пьянел от своих слов.

— Ты делаешь мне предложение?

— Нет. Я просто говорю, что это было бы хорошо. Поедем со мной во Францию.

Люля стояла и раздумывала: может быть, выбирала между Францией и тем, кому она звонила.

— А куда именно? В Париж? — спросила она.

— Юг Франции. Марсель, Канны, Ницца...

Люля никак не реагировала. Почему он решил, что она примет его приглашение? Почему он так самоуверен?

Месяцев вдруг испугался. И тут же успокоился: как будет, так и будет.

— Ну так что? — спокойно спросил он.

— Хорошо, — так же спокойно согласилась Люля.

Марсель оказался типичным портовым городом, с большим количеством арабов, красивый и шумный, отдаленно напоминающий Одессу.

Месяцев дал в нем четыре концерта.

После концерта подходили эмигранты. Ни одного счастливого лица. Принаряженные, но не счастливые. Пораженцы.

Подходили бывшие диссиденты. Но какой смысл сегодня в диссиде? Говори что хочешь. Гласность отбила у них хлеб.

Из Марселя переехали в Канны. Опустевший курорт. Город старичков. Точнее, город богатых старичков. Они всю жизнь трудились. Копили. А теперь живут в свое удовольствие.

Люля смотрела на старух в седых буколяках и норковых накидках.

— Надо жить в молодости, — сказала Люля. — А в старости какая разница?

— Очень глупое замечание, — откомментировал Месяцев.

Люля не любила гулять. Ее совершенно не интересовала архитектура. Она смотрела только в витрины магазинов. Не пропускала ни одной. Продавщицы не отставали от Люли, целовали кончики своих пальцев, сложенных в щепотку, а потом распускали эти пальцы в воображаемый цветок. Люля и в самом деле выходила из примерочной — сногшибательной красоты и

прелести. Казалось, костюм находил свою единственно возможную модель. Обидно было не купить. И они покупали. Месяцев платил по кредитной карте и даже не понял, сколько потратил. Много.

Люля делала покупки по своей схеме: в первый день она обегала все магазины и лавочки. Присматривалась. Это у нее называлось «выполнить домашнее задание». На другой день она делала выбор и покупала. На третий день понимала, что ошиблась в выборе, и меняла покупку. На это уходило все время. Месяцев ненавидел этажи магазинов и закутки лавочек. Он перемогался и сатанел от этой жизни. Люле мешало его нетерпение. Она попросила его оставаться на улице и ждать. Он так и делал.

Вся поездка по югу Франции превратилась в одно сплошное нескончаемое ожидание. Люля постоянно звонила в Москву и заходила в каждый автомат на улице. А он ждал. Говорила она не долго, и ждать — не трудно, но он мучился, потому что за стеклянной дверью автомата протекала ее собственная жизнь, скрытая от него.

Люля выходила из автомата с перевернутым лицом и говорила:

— Свекровь вывихнула руку. Не может готовить. Даша чистит картошку ей и себе.

— Даше пятнадцать лет. Она уже большая, — напоминал Месяцев.

— Большая, — соглашалась Люля. — Но и маленькая.

И это правда.

Однажды он воспользовался ее отсутствием и сам позвонил домой. Подошла дочь.

— Алика оставили еще на две недели, — прокричала Аня. Она сэкономила деньги, поэтому сообщала только самое главное.

— Ты меня не встречай, — предупредил Месяцев. — За мной пришлют машину.

— Я все равно приеду.

— Но зачем?

— Я увижу тебя на два часа раньше.

— Но зачем тебе мотаться, уставать?

— Это решаю я.

Аня положила трубку. Зачем еще кто-то, когда дома все так прочно.

Месяцев вышел из автомата.

— Куда ты звонил? — спросила Люля.

— Своему агенту, — соврал Месяцев.

Он мог бы сказать и правду. Но у них с Люлей общие только десять дней. А потом они разойдутся по своим параллельным прямым. Это случится неизбежно. И пусть хотя бы эти

десять дней — общие.

В ресторанах Люля заказывала исключительно «фрукты моря» — так тут назывались крабы, моллюски и устрицы. Стоило это бешеных денег, но Люля не обращала внимания.

— Это безумно вкусно, — говорила она. — И очень полезно. Сплошной йод.

Вино она пила сухое, красное, говорила, что красное вино выводит из организма стронций. Люля следила за своим здоровьем. И это логично. Красота есть здоровье. Месяцев подумал, что Ирина ела бы одну пиццу, зверски сэкономила и прибавила бы пять килограммов. Хотя на Ирине не заметно — пять туда или пять обратно.

Месяцев не знал, сколько он потратил. Во всяком случае, больше, чем заработал. На Западе — другие деньги. И открывается особая жадность, которую не преодолеть. Месяцеву пришлось преодолеть. Он тратил валюту, как рубли.

— Ты о чем думаешь? — Люля пылливо заглядывала, приближая свое лицо. От ее лица веяло теплом и земляничным листом.

— Так, вообще... — уклонялся он.

Он готов был тратить, врать, только бы видеть близко это лицо с высокими бровями.

Каждый вечер после концерта они возвращались в гостиницу, ложились вместе и обхватывали друг друга так, будто боялись, что их растащат. Обходились без излишеств, без криков и прочего звукового оформления. Это было не нужно. Все это было нужно в начале знакомства, как дополнительный свет в темном помещении. А здесь — и так светло. Внутренний свет.

Последние три концерта — в Ницце. Равель. Чайковский. Прокофьев. Месяцев был на винте. Даже налогоплательщики что-то почувствовали. Хлопали непривычно долго. Не отпускали со сцены.

В последний вечер их пригласила в гости правнучка декабриста. Собралось русское дворянство. Люля и Игорь смотрели во все глаза: вот где сохранились осколки нации. Сталин наплодил Шариковых. И теперь живут дети и внуки Шариковых. А дети и внуки дворянства — где они? Сидели за столом, общались. Месяцеву казалось, что он — в салоне мадам Шерер из «Войны и мира».

Месяцев тихо любовался Люлей. Она умела есть, умела слушать, говорить по-английски, она умела любить, сорить его деньгами. Она умела все.

Среди приглашенных была возрастная красавица. Видно, что возрастная. И видно, что красавица. Одно не исключало другое. Она завела Люлю и Месяцева в пустую комнату и подарила им куклу. Сказала, что эта кукла ее погибшей дочери. Дочери было тринадцать лет. Она погибла от руки маньяка. Стала подробно рассказывать: как это было, когда это было, как девочка не вернулась из школы, как выла собака. Экспертиза показала, что она умерла в двенадцать часов. А они нашли ее в час. А если бы они хватились раньше и пришли не ночью, а вечером или даже в одиннадцать, пусть в одиннадцать тридцать, пусть без пяти двенадцать, они бы успели. Они опоздали на час, и вот этот час...

Люля слушала, замерев от ужаса и сострадания. Месяцев довольно скоро понял, что находится во власти чужого безумия.

Пришел муж старой красавицы — подтянутый и моложавый. Месяцеву показалось, что в его жизни есть своя Люля, потому что невозможно жить одними угрызениями.

Муж сел за рояль и стал играть Брамса. Играть в присутствии Месяцева было как бы наивно. Но Месяцев с удовольствием сидел и слушал. У мужа была манера — подпевать, подвывать. Он подвывал и не контролировал себя. Отдавался всей душой, и Месяцев слышал его тоску и томление. Понимал, что положение в обществе, жизнь в налаженной стране, деньги и даже любовь ничего не решают, когда в жизни есть этот один час.

Вернулись в гостиную. Люля сказала:

— Я эту куклу не возьму.

— Это была светлая девочка, — сказал Месяцев. — Значит, ее вещи несут свет.

— Вот и возьми себе.

В эту ночь Люля была грустна. И ласки их были особенно глубокими и пронзительными. Никогда они не были так близки. Но их счастье — как стакан на голове у фокусника. Вода не шелохнется. Однако все так неустойчиво...

Дочь и Люля были знакомы. Сажать Люлю в их машину значило все открыть и взять дочь в сообщницы. Об этом не могло быть и речи.

Пришлось проститься прямо в аэропорту. По ту сторону границы.

— Возьми деньги на такси. — Месяцев протянул Люле пятьдесят долларов.

— Не надо, — сухо отказалась Люля. — У меня есть.

Это был скандал. Это был разрыв.

— Пойми... — начал Месяцев.

— Я понимаю, — перебила Люля и протянула пограничнику паспорт.

Пограничник рассматривал паспорт преувеличенно долго, сверяя копию с оригиналом. Видимо, Люля ему понравилась и ему хотелось подольше на нее посмотреть.

Дочь встречала вместе с женихом Юрой. Месяцева это устроило. Не хотелось разговаривать.

— Что с тобой? — спросила Аня.

— Простудился, — ответил Месяцев.

Смеркалось. Елозили машины, сновали люди, таксисты предлагали услуги, сдирали три шкуры. К ним опасно было садиться. Над аэропортом веял какой-то особый валютно-алчный криминальный дух. И в этом сумеречном месиве он увидел Люлю. Она везла за собой чемодан на колесиках. Чемодан был неустойчивый. Падал. Она поднимала его и снова везла.

На этот раз все подарки умещались в одной дорожной сумке. Месяцеву удалось во время

очередного ожидания заскочить в обувной магазин и купить шесть пар домашних туфель и шесть пар кроссовок. Магазин был фирменный, дорогой, и обувь дорогая. Но это все. И тайком. Он выбросил коробки и ссыпал все в большую дорожную сумку, чтобы Люля не догадалась. Он скрывал от Люли свою заботу о домашних. Скрывал, а значит, врал. Он врал тут и там и вдруг заметил, как легко и виртуозно у него это получается. Так, будто делал это всю жизнь.

Месяцев вытряхнул в прихожей обувь, получился невысокий холм.

— Это все? — спросила дочь.

— Мне ничего не заплатили, — соврал Месяцев. — Сказали, что переведут на мой счет.

— А переведут? — спросила жена.

— Не знаю.

— Вам надо иметь адвоката, — заметил Юра. — У Ростроповича наверняка есть адвокат.

— Надо сравнивать себя не с Ростроповичем, а со Львом Борисовичем, — заметила теща.

Лев Борисович — друг семьи, философ, доктор наук. Философия в условиях рынка никому не понадобилась, и Лев Борисович научился солить огурцы и торговал ими возле магазина. Огурцы были восхитительные, с укропом и чесноком.

— Адвокат стоит бешеных денег, — предположила дочь.

— Это во-первых, — сказала жена. — А во вторых, Игорь — бесконфликтный человек.

Все с воодушевлением стали рыться в обувной куче, отыскивая свой размер. Месяцев ушел в спальню и набрал номер Люли.

— Да, — хрипло сказала она.

Месяцев молчал. Люля узнала молчание и положила трубку. Месяцев набрал еще раз. Трубку не снимали. Значит, она была дома и не хотела с ним говорить. Естественно.

Можно было по-быстрому что-нибудь наврать, например — срочно отвезти кому-то документы... Приехать к Люле, заткнуть рот поцелуями, забросать словами. Но что это даст? Еще одну близость. Пусть даже еще десять близостей. Она все равно уйдет. Женщина тяготеет к порядку, а он навязывает ей хаос и погружает в грех. Он эксплуатирует ее молодость и терпение. Это не может длиться. Это должно кончиться. И кончилось.

Жена погасила свет и стала раздеваться. Она всегда раздевалась при потушенном свете. А Люля раздевалась при полной иллюминации, и все остальное тоже... Она говорила: но ведь это очень красиво. Разве можно этого стесняться? И не стеснялась. И это действительно было красиво.

Месяцев лежал отстраненный, от него веяло холодом.

— Что с тобой? — спросила жена.

— Тебе сказать правду или соврать?

— Правду, — не думая сказала жена.

— А может быть, не стоит? — предупредил он.

Месяцев потом часто возвращался в эту точку своей жизни. Сказала бы «не стоит», и все бы обошлось. Но жена сказала:

— Я жду.

Месяцев молчал. Сомневался. Жена напряженно ждала и тем самым подталкивала.

— Я изменил тебе с другой женщиной.

— Зачем? — удивилась Ирина.

— Захотелось.

— Это ужасно, — сказала Ирина. — Как тебе не стыдно?

Месяцев молчал.

Ирина ждала, что муж покается, попросит прощения, но он лежал как истукан.

— Почему ты молчишь?

— А что я должен сказать?

— Что ты больше не будешь.

Это была первая измена в ее жизни и первая разборка, поэтому Ирина не знала, какие для этого полагаются слова.

— Скажи, что ты больше не будешь.

— Буду.

— А я?

— И ты.

— Нет. Кто-то один... одна. Ты должен ее бросить.

— Это невозможно. Я не могу.

— Почему?

— Не могу, и все.

— Значит, ты будешь лежать рядом со мной и думать о ней?

— Значит, так.

— Ты издеваешься... Ты шутишь, да?

В этом месте надо было сказать: «Я шучу. Я тебя разыграл». И все бы обошлось. Но он сказал:

— Я не шучу. Я влюблен. И я сам не знаю, что мне делать.

— Убирайся вон...

— Куда?

— Куда угодно. К ней... к той...

— А можно? — не поверил Месяцев.

— Убирайся, убирайся...

Ирина обняла себя руками крест-накрест и стала качаться. Горе качало ее из стороны в сторону. Месяцев не мог этого видеть. Он понимал, что должен что-то предпринять. Что-то сказать. Но имело смысл сказать только одно: «Я пошутил, давай спать». Или: «Я виноват, это не повторится». Она бы поверила или нет, но это дало бы ей возможность выбора. Но Месяцев молчал и тем самым этого выбора ее лишал.

— Убирайся, убирайся, — повторяла она, как будто в ней что-то сломалось, замкнулось.

Месяцев встал, начал торопливо одеваться. Чемодан стоял неразобранный. Его не надо было собирать. Можно просто взять и уйти.

— Ты успокойся, и мы поговорим.

Жена перестала раскачиваться. Смотрела прямо.

— Нам не о чем говорить, — жестко сказала она. — Ты умер. Я скажу Алику, что ты разбился на машине. Нет. Что твоя машина упала с моста и утонула в реке. Нет. Что твой самолет потерпел катастрофу. Лучше бы так и было.

Месяцев оторопел:

— А сам по себе я разве не существую? Я только часть твоей жизни? И это все?

— Если ты не существуешь в моей жизни, тебя не должно быть вообще. Нигде.

— Разве ты не любишь меня?

— Мы были как одно целое. Как яблоко. Но если у яблока загнивает один бок, его надо отрезать. Иначе сгниет целиком. Убирайся.

Ему в самом деле захотелось убраться от ее слов. В комнату как будто влетела шаровая молния, было невозможно оставаться в этом бесовском, нечеловеческом напряжении.

Месяцев выбрался в прихожую. Стал зашнуровывать ботинки, ставя ногу на галошницу. Правый ботинок. Потом левый. Потом надел пальто. Это были исторические минуты.

История есть у государства. Но есть и у каждой жизни. Месяцев взял чемодан и открыл дверь. Потом он ее закрыл и услышал, как щелкнул замок. Этот щелчок, как залп «Авроры», знаменовал новую эру.

Ирина осталась в обнимку с шаровой молнией, которая выжигала ей грудь. А Месяцев сел в машину и поехал по ночной Москве на зов любви. Что он чувствовал? Все! Ужас, немоту,

сострадание, страх. Но он ничего не мог поделать. Лавина шла и набирала скорость. Она уже срезала его дом, погребла в нем всех живых. Что дальше?

Что бывает дальше? Лавина съезжает, теряет скорость и останавливается в конце концов. Тогда уцелевшие выползают на свет Божий и наводят порядок. Откапывают живых. Хоронят мертвых. Ставят электрические столбы и натягивают провода. И опять в домах тепло, светло. И опять — жизнь. Как ни в чем не бывало. Надо только переждать...

Месяцев позвонил в ее дверь. Люля открыла не зажигая свет. Месяцев стоял перед ней с чемоданом.

— Все! — сказал он и поставил чемодан.

Она смотрела на него не двигаясь. Большие глаза темнели, как кратеры на Луне.

Утром Алик лежал на своей койке и слушал через наушники тяжелый рок. Музыка плескалась в уши громко, молодо, нагло, напористо. Можно было не замечать того, что вокруг. Отец в роке ничего не понимает, говорит: китайская музыка. Алик считал, что китайская музыка — это Равель. Абсолютная пентатоника. В гамме пять звуков вместо семи.

В двенадцать часов пришел лечащий врач Тимофеев, рукава закатаны до локтей, руки поросли золотой щетиной. Но красивый вообще. Славянский тип. А рядом с ним заведующий отделением, азербайджанец со сложным мусульманским именем. Алик не мог запомнить, мысленно называл его «Абдулла».

Абдулла задавал вопросы. Мелькали слова «ВПЭК», «дезаптация», «конфронтация». Алик уже знал: ВПЭК — это военно-психиатрическая экспертиза. Конфронтация — от слова «фронт». Значит, Алик находится в состоянии войны с окружением. Никому не верит. Ищет врагов.

А кому верить? Сначала дали отдельную палату. Приходил Андрей — они немножко курили, немножко пили, балдели. Слушали музыку, уплывали, закрыв глаза. Кому это мешало? Нет, перевели в общую палату. Рядом старик, все время чешется. Это называется старческий зуд. Попробуй поживи на расстоянии метра от человека, который все время себя скребет и смотрит под ногти. Алик в глубине души считал, что старики должны самоустраняться, как в Японии. Дожил до шестидесяти лет — и на гору Нарайяма. Птицы растащат.

Когда Алик смотрит на старых, он не верит, что они когда-то были молодые. Казалось, так и возникли, в таком вот виде. И себя не может представить стариком. Он всегда будет такой, как сейчас: с легким телом, бездной энергии и потребностью к абсолюту.

Напротив Алика — псих среднего возраста, объятый идеей спасения человечества. Для этого нужно, чтобы каждый отдельно взятый человек бегал по утрам и был влюблен. Движение и позитивное чувство — вот что спасет мир. От недостатка движения кровь застаивается, сосуды ржавеют. В отсутствии любви время не движется, картинки вокруг бесцветны, дух угнетен. Душевная гиподинамия.

А вот если побежать... А вот если влюбиться...

Псих, конечно, псих, но черт его знает...

Взять хотя бы родителей. Режим отца: лежит и сидит. Кровать, рояль, машина, обеденный стол.

Вся жизнь на заду и на спине.

Мать бегаёт в основном по квартире или по классу, хлопая в ладоши, отсчитывая ритм. Вот и вся гимнастика.

А если бы отец побежал и мать побежала, оба постарались лично для себя, для своего тела и здоровья... Тогда это были бы другие люди. Псих хочет усовершенствовать мир без учета индивидуальности каждого человека. Как коммунисты.

Второй принцип: быть влюбленным. А что это такое? Платоническое состояние? Или с включением секса?

Алику нравилось заниматься сексом в экстремальных ситуациях. Например, на перемене, когда все вышли из класса. Прижать девочку к стене — и на острие ножа: войдут — не войдут, застанут — не застанут, успеешь — не успеешь... Страх усиливает ощущение. А однажды на дне рождения вывел именинницу на балкон, перегнул через перила. Одиннадцатый этаж. Под ногами весь город. Перила железные, но черт его знает... Девочка сначала окоченела от ужаса. Потом ничего... Не пожаловалась. Сидела за столом, поглядывала, как княжна Мери. А что дальше? А ничего.

Однажды взял у бабки ключи от ее однокомнатной квартиры, и они с Андреем привели девочку. Не из класса. Просто познакомились. Стали пробовать все позиции и комбинации, существующие в индийском самоучителе. И в это время пришла бабка. Приперлась. Алик не пустил. Не открыл дверь. Вечером дома начались разборки: как? не пустил? почему?

— Потому что мы с Андреем трахали девочку, — сказал Алик.

У матери глаза чуть не выпали на пол.

— Одну?

— А что? — Алик не понял, что ее так удивило.

— А нельзя привести каждому по девочке? — спросил отец.

Несчастные совки. Отец стучит, как дятел. Рад, что хватает на бананы. А жил бы в нормальной стране, имел бы несколько домов в горах и на побережье. А мать... слаще морковки ничего не ела. Ни взлетов, ни падений, ни засухи, ни дождя. Климат умеренно континентальный.

Алик достал бумагу из тумбочки и стал писать стихи:

Море сна — за острые боли,
Жизни год — за минуту смятенья.
Нам ли шапки ломать собольи
И стыдиться собственной тени...

Вошла медсестра, всадила укол так, что онемела нога.

«Садистка, — подумал Алик. — Получает удовольствие от чужой боли».

Медсестра вышла. Рок грохотал в уши. Стихи подходили к горлу:

В палату вошел Месяцев и сел на край кровати. Алик снял наушники.

— Скажи маме, пусть не приходит каждый день, — попросил Алик. — А то приходит и начинает рыдать.

— Она переживает, — заступился Месяцев.

— Пусть переживает дома. Она рыдает, а я что должен делать?

— Успокаивать.

— А меня кто будет успокаивать?

В его словах была логика. Логика эгоиста.

— Алик, я ушел из дома. — Месяцев как будто прыгнул в холодную воду. Это было плохое время для такого сообщения. Но другого времени не будет. Алик вернется домой и не увидит там отца. Он должен все узнать от него.

— Куда? — не понял Алик.

— К другой женщине.

Алик стал заинтересованно смотреть в окно. Месяцев проследил за его взглядом. За окном ничего не происходило.

— Я к бабке перееду. А она пусть к матери перебирается, — решил Алик.

Месяцев понял: Алик смотрел в окно и обдумывал свою ситуацию в новой сложившейся обстановке. И нашел в ней большие плюсы.

— А чего ты ушел? — как бы между прочим поинтересовался Алик.

— Полюбил.

— Так ты же старый.

Месяцев промолчал.

— А она хорошо готовит? — спросил Алик.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я буду ходить к тебе обедать. Я буду жить у бабки, а есть у тебя.

— Мама может обидеться.

— Это ее трудности.

— Ты жестокий человек, — упрекнул Месяцев.

— А ты какой? Ты живешь, как хочешь. И я буду жить, как хочу. Почему тебе можно? А мне нельзя? Или всем можно, или всем нельзя. Разве не так?

Месяцев молчал.

Рядом на кровати сидела пара: старая женщина и ее сын в больничной пижаме. Он сидел

поджав ноги, положив голову на материнское плечо. И они замерли в печальной отстраненности. Они были друг у друга и вместе выживали. Сын собирался спасти человечество от гиподинамии.

А Месяцев сейчас встанет и уедет к молодой женщине, к исполнительской деятельности...

— Вот тут мои книги, тетради и термос, — сказал Алик. — Некуда класть. Сестры ругаются.

Алик протянул довольно тяжелый пакет. Месяцев взял и поднялся.

— Ты мне что-нибудь принес? — спросил Алик.

Это был вопрос его детства. Он всегда спрашивал, как только научился говорить: «Ты мне что-нибудь принес?»

И Месяцев всегда что-то протягивал: мячик, шоколадку.

— А разве тебе мама не носит? — смутился Месяцев.

— Мама — это мама, — резонно заметил Алик. — А ты — это ты.

— Если хочешь, возьми мою ручку. — Месяцев достал из кармана паркер с золотым пером.

— Ух ты.... — задохнулся Алик.

— Надо сказать: спасибо, папа.

— Спасибо, папа...

Они обнялись, и Месяцев с ужасом почувствовал, что он плачет.

Ирина купила ящик вина и утром выпивала стакан. И ходила как под наркозом. На улице было скользко. Ноги разъезжались, как у коровы.

Аня ушла жить к Юре. Не могла оставаться в доме, оскверненном предательством.

Лидия Георгиевна переехала жить к дочери, чтобы не оставлять ее одну. В доме присутствовало предательство, и они обе дышали его тяжелым испарением. Никому ничего не говорили. Все держалось в глубокой тайне. Единственный человек, которого поставили в известность, — ближайший друг семьи Муза Савельева. Муза — профессор консерватории, арфистка и сплетница. В ней вполне совмещалось высокое и низменное. Так же, как органы любви территориально совпадают с органами выделения.

Муза — ровесница Ирины. Она жила на свете почти пятьдесят лет и на собственном опыте убедилась, что семья не там, где страсть. А там, где дети и где удобно работать. Потому что страсть проходит. А дело и дети — нет.

— Он вернется, — пообещала Муза.

— Когда? — спросила Ирина и выпила стакан вина. Это имело значение — когда. Потому что каждый день, каждый час превратился в нескончаемый ад.

— В зависимости от объекта, — профессионально заметила Муза. — Кто такая?

— Понятия не имею, — созналась Ирина.

— Вот и плохо, — не одобрила Муза. — Чтобы решить проблему, ее надо знать.

Муза оперативно раскинула свои сплетнические сети и быстро выяснила: Месяцев ушел к Люле. Люля — известный человек, глубоководная акула: шуровала себе мужа на больших глубинах. Предпочитала знаменитостей и иностранцев. Знаменитости в условиях перестройки оказались бедные и жадные. А иностранцы — богатые и щедрые.

Поэтому она брала деньги у одних и тратила на других.

— Она красивая? — спросила Ирина.

— Четырнадцать килограммов краски.

— А это красиво? — удивилась Ирина.

— По-моему, нет.

— А почему она пользовалась успехом?

— Смотря каким успехом. Таким ты тоже могла бы пользоваться, если бы захотела.

— Но зачем Игорю такая женщина? — не поняла Ирина.

— Ты неправильно ставишь проблему. Зачем Люле такой, как Игорь?

— Игорь нужен всем, — убежденно сказала Ирина.

— Вот ты и ответила.

— Но почему изо всех — он? Есть ведь и богаче, и моложе.

— Никто не захотел. Переспать — пожалуйста. А жениться — это другое. Кто женится на бляди?

— Игорь.

— Потому что у него нет опыта измен. Нет иммунитета. Его не обманывали, и он принял фальшивый рубль за подлинный.

— А он знает, что она такая? — спросила Ирина.

— Узнает... — зловеще пообещала Муза. — Не в колбе живем.

— Что же мне делать?.. — потерянно спросила Ирина.

— Сиди и жди. Он вернется.

Ирина стала ждать. И Лидия Георгиевна стала ждать. Ирина при этом ходила на работу, ездила в больницу, уставала. Усталость и алкоголь притупляли горе.

А Лидия Георгиевна ждала в буквальном смысле слова: сидела, как на вокзале, и смотрела в одну точку. И ее лицо было суровым и напряженным. Что она видела в этой точке? Может быть, своего мужа Павла, который ушел от нее на зов любви. Через год его затоптали. Она так не хотела. Судьба так распорядилась. «Возмездие, и аз воздам». А скорее всего, никакое не возмездие. Тогда многие погибли. Сталин не мог остановиться и даже мертвым собирал свой адский урожай.

Лидия Георгиевна находила свое счастье в счастье дочери. Игорь был всегда занят, у него не оставалось времени для игрищ и забав. Казалось, Ирину никогда не коснется мужское предательство. С кем-то это случается, но не с ней. Как война в Боснии или эпидемия в Руанде. Где-то, у кого-то, не у них...

Не только через Ирину, но и сама по себе она чтит зятя. Все, что он достиг в своей жизни, он достиг своими руками в прямом смысле этого слова. Из провинции, из низов рванул вверх. И укрепился наверху. Но в нем навсегда остались тяжелые комплексы из детства: ударят, прогонят, унижат. Так часто поступали с его пьяным отцом на его глазах. Игорь был настороженно-самолюбив, подозрителен. Он любил свою жену за то, что он ей верил.

Лидия Георгиевна собирала статьи о нем в отдельную папочку, а фотографии — в альбом. Работала его биографом. Ходила в консерваторию на все его концерты. У нее был выходной черный костюм с белой кофточкой и брошью. Это был ее единственный выход на люди. В консерваторию ходит примерно одна и та же публика. Одни и те же лица. С ней здоровались, кланялись уважительно. И она здоровалась. Старушка-подросток. Потом садилась на свое место в пятом ряду. Лучший ряд, лучшее место. Ждала, когда появится Игорь. Он появлялся. Легко кланялся и сразу садился за рояль. И забывал о зале. И лицо у него становилось необычное.

С возрастом Игорь пополнел, но ему это шло. Ему вообще шел возраст. Осмысленная зрелость. В юности в его лице чего-то не хватало.

После концерта Лидия Георгиевна шла за кулисы. У Игоря была своя комнатка-боковушка, у входа всегда выстраивалась очередь почитателей. Лидия Георгиевна никогда не лезла без очереди. Стояла и ждала на общих основаниях. А потом заходила и поздравляла. И часто дарила цветы. Не всегда, но часто.

А сейчас она не может пойти на концерт. В пятом ряду на ее месте сидит другая женщина. Она вытеснила Лидию Георгиевну и Ирину. Всех вытеснила и села... Разорила гнездо.

Аня ушла без загса, незаконно. Свободная любовь. Говорят, на Западе так принято. Но мы же не на Западе... Алика без отцовской руки не удержать. Ирина живет враскоряку, ничего не видит, не соображает. Сколько это будет длиться? И когда это кончится?

«Он нас любит. Он вернется», — внушала кому-то Лидия Георгиевна и прожигала взглядом свою точку. Как будто гипнотизировала: он вернется... вернется...

И он вернулся. Забрать рояль.

Рояль, как человек, имеет определенную информацию. Клавиши обладают своей податливостью. Рояль принимает тебя или нет. Он твой или чужой.

Игорь мог играть только на своем стареньком классическом «Бехштейне».

Ирины не было дома. Дверь отворила Лидия Георгиевна.

У Игоря был свой ключ, но он позвонил, как чужой. За его спиной стояли два такелажника. Рояль грузят специальные люди. Просто грузчики здесь не подходят.

— Там, — показал Игорь.

Такелажники вошли в комнату и сразу принялись откручивать ножки от рояля.

— Поешь? — будничным голосом спросила Лидия Георгиевна, как будто ничего особенного не происходило.

Месяцев по привычке прошел на кухню. Сел за стол. Теща стала накладывать еду на тарелку. На этот раз было вкусно: картошка, селедка, лук.

Месяцев стал есть. Теща внимательно на него смотрела.

— Так вышло, — сказал он.

— Это пройдет, — спокойно пообещала теща.

— Что вы, не дай бог, если это пройдет...

В глазах Игоря стоял настоящий страх.

— Не ты первый, не ты последний. Но будь осторожен.

— В каком смысле? — Месяцев поднял глаза. Теща приняла взгляд.

— Затопчут.

— Кто?

— Жизнь.

В дом вошла Ирина. В прихожей на полу, как льдина, лежал рояль. Такелажники переносили ножки к лифту. Все было понятно и одновременно не понятно ничего. Рояль стоял двадцать пять лет. Почему его надо выносить? Разве не достаточно того, что он вынес себя?

Ирина торопливо прошла на кухню, прямо к холодильнику, достала бутылку вина. Не глядя ни на кого, стала пить из горлышка, как будто ее мучила жажда. Месяцев смотрел на нее во все глаза. Это было новое. Раньше она никогда не пила. Но ведь и он в качестве гостя тоже никогда здесь не был.

— Хотя бы нашел себе скрипачку. Человека нашего круга, — прокричала Ирина. — А кого ты выбрал? У нее даже имени нет!

— Как это нет? — растерялся Месяцев. — Есть.

— Люля — это не имя. Это понятие.

— Откуда ты знаешь?

— Это знают все, кроме тебя. Все приходили и уходили. А ты остался. Дурак.

— Дурак, — подтвердил Месяцев.

— Она тебя отловила, потому что ты — известный пианист. А я любила тебя, когда ты был никто и ничто!

— Я всегда был одинаковый, — хмуро сказал Месяцев.

Ирина неожиданно опустилась перед ним на колени. Обняла его ноги.

— Я не могу покончить с собой, потому что я не могу бросить Алика. И я не могу жить без тебя. Я не могу жить и не могу умереть. Пожалей меня...

Ирина прижалась к его ногам и заплакала. Лидия Георгиевна вышла из кухни, чтобы не видеть.

Месяцев потащил Ирину вверх, она поднялась и обняла его за шею. А он обнял ее. Они стояли и вместе плакали. И казалось, что сейчас кончатся слезы и решение будет найдено.

— Я тебя не тороплю, — сказала Ирина. — Сколько тебе надо времени?

— На что? — не понял Месяцев. Потом понял. Жена все решила за него. И казалось так естественно: привинтить к роялю ножки, поставить на место и все забыть. Все забыть.

— Я не буду тебя упрекать, — пообещала Ирина. — В конце концов, порядочными бывают только импотенты. Я тоже виновата, я была слишком самоуверенна...

Месяцев вытер ладонью ее щеки.

— Ты не виновата, — сказал он. — Никто не виноват.

В кухню вошли такелажники.

— Нести? — спросил один.

— Несите, — разрешил Месяцев.

— Нет... — тихо не поверила Ирина.

Она метнулась в прихожую. Упала на рояль, как на гроб. Обхватила руками.

— Нет! Нет! — кричала она и перекаtywала голову по лакированной поверхности.

Такелажники застыли, потрясенные. Из комнаты выбежала Лидия Георгиевна и стала отдирать Ирину от рояля. Она цеплялась, мотала головой.

Месяцев не выдержал и вышел. Стал в грузовой лифт. Через некоторое время мелкими шажками вдвинулись такелажники с телом рояля. Месяцев нажал кнопку первого этажа. Лифт поехал вниз. Крик попеременно с воем плыл по всему дому. И становилось очевидно, что человек — тоже зверь.

Капли стучали о жестяной подоконник. С неба капала всякая сволочь. У кого это он читал? У Корнея Чуковского, вот у кого. Месяцев чувствовал себя одиноко, как труп на шумной тризне. А это у кого? Кажется, у Пушкина.

— Люля, — позвал он.

— А... — Она выплыла из полудремы.

— У тебя было много мужчин?

— Что?

— Я спрашиваю: у тебя было много мужчин до меня?

— Кажется, да. А что?

— Сколько?

— Я не считала.

— А ты посчитай.

— Сейчас?

— Да. Сейчас. Я тебе помогу: первый муж, второй муж, я... А еще?

Люля окончательно вынырнула из сна:

— Первый муж был не первый. И второй не второй.

— Значит, ты им изменяла?

— Кому?

— И первому и второму.

— Я не изменяла. Я искала. Тебя. И нашла.

— А теперь ты будешь изменять мне?

— Нет. Я хочу красивую семью. Все в одном месте.

— Что это значит?

— То, что раньше мне нравилось с одним спать, с другим разговаривать, с третьим тратить деньги. А с тобой — все в одном месте: спать, и разговаривать, и тратить деньги. Мне больше никто не нужен.

Месяцев поверил.

— Ты меня любишь? — спросил он.

— Люблю. Но нам будут мешать.

— Кто?

— Твой круг.

— Мой круг... — усмехнулся Месяцев. — Мой отец был алкаш, а мама уборщица в магазине. Ей

давали еду. Жалели.

— А я администратор в гостинице. Было время, когда койка стоила три рубля, со мной десять.

— Не понял, — отозвался Месяцев.

— Надо было есть, одеваться, выглядеть. Что ж тут непонятного?

Месяцев долго молчал.

— Почему ты молчишь? — встревожилась Люля.

— Вспоминаю: «Ворами, блядьми, авантюристами, но только вместе». Откуда это?

— Не помню, — задумчиво отозвалась Люля.

С неба продолжало сыпать. Но оттого, что где-то сыро и холодно, а у тебя в доме сухо и тепло...

Он обнял Люлю.

— Поиграй на мне, — сказала она. — Я так люблю твои руки...

Он стал нажимать на ее клавиши. Она звучала, как дорогой рояль.

А композитор кто? Любовь, страсть, тишина. И снежная крупа, которая сыпала, сыпала, сыпала с неба.

Врач Тимофеев был занят. Он так и сказал:

— Я занят. Подождите.

Месяцев ходил возле кабинета. Прошло десять минут. Когда ждешь, то десять минут — это долго. Совковые дела, совковые врачи. Для них люди — мусор. Кто бы ни был. Пришел — значит, зависишь. А зависишь — сиди и жди.

Прошло еще десять минут. Месяцев понял, что это неспроста. Алику не дают освобождение. Что-то сорвалось. И теперь Алика заберут в Армию. В горячую точку. И вернут в цинковом гробу.

Из кабинета вышла женщина в белом халате. Как-то не просто глянула на Месяцева, будто что-то знала.

— Войдите, — сухо пригласила она.

У Месяцева все остановилось внутри. Он уже не сомневался в плохом исходе. И деньги не помогут, хотя он готов был платить любые деньги.

Тимофеев сидел за столом в высоком колпаке, как булочник.

— Ваш сын не пригоден к службе в Армии, — сообщил он.

Месяцев молчал. Привыкал к счастливому повороту событий.

— Спасибо... — растерянно проговорил он. — Очень хорошо.

— Нет. Не хорошо. Ваш сын болен, и его надо лечить. И ставить на учет.

— Куда? — не понял Месяцев.

— В ПНД. Психо-неврологический диспансер. Такие больные стоят на учете.

— Зачем?

— Это нужно для общества. И для него самого. Если ваш сын совершит преступление, то его посадят не в тюрьму, а в больницу.

— Что вы такое говорите? — оторопел Месяцев.

— Военно-психиатрическая экспертиза определила диагноз: шизофрения, гебоидная симптоматика.

Месяцев ощутил: что-то надвигается. Беда грохочет колесами, как поезд вдалеке.

— Что это за симптоматика? — спросил он.

— Склонность к мерзким выходкам, пренебрежение любой моралью, крайний эгоцентризм, специфическое мировоззрение...

— Но таких людей сколько угодно, — резонно возразил Месяцев.

— Есть здоровые эгоцентристы, а есть больные. Ваш сын болен. У него разрушены связи с окружающим миром.

— А отчего это бывает?

— Шизофрения — наследственное заболевание. У вас по мужской линии были душевнобольные?

— Сумасшедших не было. А алкоголик был, — хмуро сказал Месяцев.

— Ну вот. Алкоголизм — тоже душевное заболевание.

— Это лечится? — тихо спросил Месяцев.

— Малые нейролептики. Корректируют поведение. Но вообще это не лечится.

— Почему?

— Метафизическая интоксикация.

Знакомый психоаналитик открыл частный кабинет и брал за прием большие деньги. Месяцева он принял без очереди.

— Шизофрения — это болезнь яркого воображения, — объяснил он. — Ты думаешь, ты нормальный? Или я? Почти все гении были шизофреники. Эдгар По, Сальвадор Дали, Модильяни, Врубель, Эйнштейн...

— Наверное, есть больные гении, а есть здоровые...

— Гений — уже не норма. Норма — это заурядность.

— Врач сказал, что у него разрушены связи с окружающим миром. И мне самому так кажется, — сознался Месяцев.

— Значит, будет жить с разрушенными связями.

— А это можно лечить?

— Можно. Но не нужно. Не надо вторгаться в святая святых. В человеческую личность.

— А какие перспективы? Что бывает с возрастом?

— Деграция личности минимальная. Сейчас это неприятный юноша, потом будет неприятный старик.

— И все?

— И все.

— Но его освободили от Армии, — насторожился Месяцев.

— В Армии сколько угодно психически неполноценных. Просто их не проверяют. А ты положил в больницу. Ты мог и не знать.

Похоже, поезд беды прогрохотал мимо. Опалил тяжким гулом, но не задел. Не задавил. Мимо.

Месяцев вытащил из кармана стодолларовую купюру и положил перед врачом.

— Жертвоприношение, — объяснил он.

— Ну зачем? — застеснялся психоаналитик, но настроение у него не ухудшилось.

Месяцев тронул машину. Увидел себя возле своего старого дома. Сработал стереотип. Он слишком долго возвращался к этому дому из любой точки земного шара.

У подъезда стояла Аня.

— Ты пришла или уходишь? — спросил Месяцев.

— Ухожу. Я привозила им картошку.

— Почему ты?

— Потому что больше некому.

— А Юра на что?

Аня не ответила. Наступило тяжелое молчание.

— Ты плохо выглядишь, — сказала Аня. — А должен выглядеть хорошо.

— Почему? — не понял Месяцев.

— Потому что Алик болен. Мы все должны жить долго, чтобы быть с ним.

— У Алика все не так плохо. Эта болезнь не прогрессирует. И вообще — это не болезнь. Просто выплескивается яркая личность.

— А ПНД? — напомнила Аня.

— Ну и что?

— А то, что для Алика теперь все закрыто. Ему нельзя водить машину, ездить за границу. Клеймо.

Месяцев растерялся:

— Но может быть, не ставить на учет?

— Тогда Армия. Или Диспансер, или Армия. Ловушка.

Месяцев замолчал. Аня тоже молчала, смотрела в землю.

— Никто не хочет понять, — горько сказал Месяцев.

— Не хочет, — подтвердила дочь.

— У тебя вся жизнь впереди...

— Но какая жизнь у меня впереди? — Аня подняла голову, и он увидел ее глаза, хрустальные от подступивших слез. — Какая жизнь у меня? У мамы? У бабушки? У Алика? Какой пример ты подаешь Юре? И что скажут Юрины родители? Ты подумал?

— О Юриных родителях? — удивился Месяцев.

— Да, да, да, и о них. Потому что мы — клан. Семейный клан. Птицы могут покрывать большие расстояния, только когда они в стае. И даже волки и львы выживают в стае. А ты нас разбил. Раскол. Это у тебя нарушены все связи с миром. Это ты сумасшедший, а не Алик.

Аня повернулась и пошла.

Под ногами лежал бежевый снег с грязью. На Ане были модные, но легкие ботинки, непригодные к этому времени года. А он ничего ей не привез, хотя видел в обувном магазине. Видел, но торопился. Аня шла, слегка клонясь в сторону. У нее была такая походка. Она клонилась от походки, от погоды и от ветра, который гулял внутри нее.

Месяцев не мог себе представить, что придется платить такую цену за близость с Люлей. Он наивно полагал: все останется как есть, только прибавится Люля. Но вдруг стало рушиться пространство, как от взрывной волны... Волна вырвала стену дома, и он существовал в комнате на шестнадцатом этаже, где стоит рояль и нет стены. Вместо стены небо, пустота и ужас.

Месяцев лежал на диване и смотрел в потолок.

— Значит, так: или Достоевский, или Ницше, — спокойно сказала Люля.

Месяцев ничего не понял.

— Достоевский носился со слезой ребенка, а Ницше считал, что в борьбе побеждает сильнейший. Как в спорте. А проигравший должен отойти в сторону.

Месяцев вспомнил выражение «на мусор». Значит, на мусор должна пойти Ирина, Аня и Алик.

— Если ты будешь ходить к ним сочувствовать, ты принесешь им большее зло. Ты даешь им надежду, которая никогда не сбудется. Надо крепко хлопнуть дверью.

— А если в двери рука, нога?

— Значит, по ноге и по руке.

— И по Алику, — добавил Месяцев.

— Я ни на чем не настаиваю. Можешь хлопнуть моей дверью. По мне.

— А ты?

— Я приму твой выбор.

— И ты готова меня отпустить?

— Конечно. Мы встретились в середине жизни. Приходится считаться.

— Ты найдешь себе другого? Ты опять поедешь в санаторий и отдашься на снегу?

— Как получится, — сказала Люля. — Можно в парадном. На батарее.

Она подошла к окну и легко уселась на подоконник.

Ревность ожгла Месяцева. Он поднялся и пошел к Люле, не понимая зачем.

— Не выдави стекло, — сказала Люля. — Выпадем.

Он мог выпасть и лететь, держа ее в объятьях. И даже ахнуть об землю он согласен, но только вместе, чтобы в последнее мгновение ощутить ее тепло.

Когда перевезли рояль, в двухкомнатной квартире Люли стало тесно. Рояль требовал целую комнату.

Люля наняла маклера. Маклер расселил соседнюю квартиру. На это ушло пятьдесят тысяч долларов.

Деньги у Месяцева были, но лежали на счету Гюнтера. Люля позвонила Гюнтеру, он как раз собирался в Россию. Все кончилось тем, что соседняя двухкомнатная квартира стала собственностью Люли. Все сошлось, потому что должно было сойтись.

Далее Люля наняла строительную бригаду. Они сломали стены внутри нового помещения, образовался шестидесятиметровый кабинет-студия со своей ванной и хозблоком. На ремонт и обмен ушло два месяца. Рекордный срок.

Бригадир строительной бригады — молодой татарин с серьезным умным взглядом.

Впоследствии выяснилось, что весь его ум уходил на то, как обштопать хозяйку. Он мог обштопать кого угодно, но не Люлю. Бригадир выполнял роль снабженца, доставал материалы. Цены в магазинах были разные, и бригадир мог целый день ездить по Москве в поисках наиболее дешевой плитки или досок. Появлялся в конце дня злой, приговаривал: «Не жрамши, не срамши». И это была правда. Он не ел, не ходил в туалет, чтобы сэкономить деньги и время. Но тратил время, силу, бензин, здоровье и в результате тратил больше, чем экономил. Месяцеву казалось, что жадность бежит впереди него.

Второй рабочий — Алексей. Он ясно видел свою цель: женщины и приятное времяпрепровождение. Для этого нужны были деньги. Алексей являлся на работу и начинал вкалывать в поте лица. Он был высокий, сильный, постоянно смеялся, лучился зубами и глазами, черта мог свернуть. Когда переставал улыбаться, глаза становились белые, пронзительные, криминальные. Если надо было вышибить у хозяйки дополнительную сумму, посылали Алексея, а бригадир оставался в стороне. Он как бы выше этого и как бы бесребреник. Ему вообще ничего не надо. Он и так может работать, за бесплатно.

Алексей напирал, как бык. Люля противостояла, как гладиатор. Между ними шла нескончаемая коррида.

Третьим в бригаде работал плотник, трогательный человек. Алкоголик. Он работал для того, чтобы скопить себе на похороны, не вводить семью в расход. Трезвым он бывал в первую половину дня. Потом доставал откуда-то бутылку, и после обеда, вернее, начиная с обеда разворачивалось иное полотно жизни.

Месяцев норовил дружить с бригадой и даже пил. Он увлекался новыми людьми, находил в них уникальные качества.

Люля противилась этой дружбе, говорила, что надо соблюдать дистанцию. Если подпустить близко, перестанут уважать и в конце концов обворуют и напортачат.

— Как тебе не стыдно, — укорял Месяцев. — Они такие же люди.

— Да, — соглашалась Люля, — такие же люди, но без совести.

В конце концов Люля оказалась права. Рабочих интересовали только деньги, но даже за деньги они не хотели работать. И кончилось тем, что халтурно сварили трубу, шов разошелся и вода залила нижний этаж. Пришлось делать ремонт соседям.

— Ну что? — спрашивала Люля. — Кто прав?

— Ты, — признавал Месяцев.

Люля действительно была права во всех случаях. Она всегда выражала дельные практические суждения, и становилось очевидно, что она прирожденный администратор. У нее была замечательная память и масса поверхностных знаний во всех областях. Она помнила все телефоны и знала всю деловую Москву. И знала, как надо поступать в том или ином случае. Все переговоры с Гюнтером она взяла на себя, и Месяцев видел, что Гюнтер ее боится.

Люля знала, как надо питаться, чтобы сохранить здоровье и форму. Хозяйство вела Тереза — глуховатая немка, из этнических немцев. Тереза была молчаливая и чистоплотная. Приходила и уходила. Это стоило денег, но Люля знала, где нужно экономить, а где нет. Нельзя экономить на своем здоровье, внешнем виде и душевном равновесии. Иногда закатывала приемы на сорок человек.

— Это надо, — говорила она. — Рука дающего да вознаграждена будет.

И в самом деле, после сабантуев подолгу держалось радостное, повышенное настроение.

У Ирины любой пустяк вырастал в неразрешимую проблему. А у Люли наоборот: неразрешимая проблема сводилась до пустяка.

Месяцев работал в своем кабинете-студии, готовил новую программу. От долгого сидения в нем накапливалось статическое электричество, он шел в половину Люли, находил ее там — радостную, оживленную, занятую. И каждый раз не верил: неужели ему такое счастье?

Муза Савельева решила сменить тактику ожидания на тактику психологического давления. Друзья и знакомые должны открыто выражать свой протест. При встрече — не здороваться и не подавать руки. А по возможности — устремлять гневный, негодующий взор. Как в опере. Человек-укор. Игорь должен понять, что его круг восстал против измены. Ему станет стыдно, и он вернется.

— Он не вернется, — обреченно сказала Ирина. — Он меня любил тридцать лет. Теперь там будет любить тридцать лет. Он так устроен. Это его цикл.

— У тебя пораженческие настроения, — пугалась Муза. — Ни в коем случае нельзя сдаваться. Надо сопротивляться.

Но в схеме сопротивления возникли трудности. Никто не захотел выражать Месяцеву протест. Поговорить за глаза — сколько угодно, но устремлять гневный взор... Идеи Музы оказались архаичны, как ее арфа. Инструмент богов.

Еле удалось уговорить Льва Борисовича. Он согласился встать возле памятника Чайковскому перед началом концерта.

Погода была плохая. Лев Борисович натянул поглубже ушанку, поднял воротник и не заметил, как подъехала машина Месяцева.

— Лева! — окликнул Месяцев.

Никакого укора не получилось. Лев Борисович смущенно приблизился и увидел женщину. Лицо — в мехах. Над мехами — глаза. Гордая красавица, как шахиня Сорейя, которая потрясла мир в шестидесятые годы. Льву Борисовичу тогда было тридцать лет. А сейчас шестьдесят три. «Шахиня» смотрела на него, и он вдруг увидел себя ее глазами — замерзшего, жалкого, бедного никчемушника.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Месяцев.

— Соня послала, — сознался Лев Борисович.

— Зачем?

— Ее Ирина попросила, — выдал Лев Борисович.

— Зачем?

— Я не знаю. Просто чтобы ты меня увидел.

У Месяцева стало мутно на душе.

— На концерт пойдешь?

— Нет, — отказался Лев Борисович. — У меня бронхит.

— Передай Соне привет.

— Спасибо, — поблагодарил Лев Борисович.

Дирижер руководил руками, глазами, пальцами, даже ушами. Состав оркестра — сильный, и дирижер доставал те звуки, которые хотел слышать.

Муть в душе не проходила, стояла у горла. Надо было как-то забыть обо всем, погрузиться в то особое состояние, которое выводило его на космос. Но ничего не забывалось. И не погружалось.

Ирина на крышке рояля. Аня с промокшими ногами. Алик на койке сумасшедшего дома. Люля на подоконнике с раздвинутыми коленями. Вот и все. И никакого космоса. Никакой легкой шампанской дрожи. Все очень просто. Вот зал. Вот рояль. Концерт Прокофьева. Ноты он знает на память, может играть с закрытыми глазами. Играет. Все получается. Все слушают. Дирижер протягивает руки, хочет вытащить руками его душу. Но душа не вытаскивается. Звуки — пожалуйста. Все технично. Без ошибок. Как отлаженный компьютер.

Аня с промокшими ногами. Теща с обуглившимся взглядом. И та, другая старуха в валенках положила голову на плечо сумасшедшего сына. Или наоборот. Он положил ей голову...

Старуха вряд ли имеет машину, значит, она ездит каждый день в оба конца на общественном транспорте. И возит еду.

Месяцев давно не жил в перестроечной действительности. У него была своя страна: большая квартира, дорогой рояль, дорогая женщина, качественная еда, машина, концертный зал, банкеты в посольствах, заграничные поездки. А была еще Россия девяностых годов, с нищими, со смутой на площадях, с холодом и бардаком переходного периода. И сейчас он остался в прежней жизни, а свою семью выкинул в холод и бардак. И она ничего не может противопоставить. Только выслать старого Льва Борисовича как парламентаря.

Зал хлопает. Дирижер, с плитами румянца на щеках, пожимает руку. Никто ничего не заметил. Но Месяцев побаивается, что окружающим заметно его состояние. Он сильно выпрямил позвоночник, как бы для дополнительной опоры. При этом зад у него слегка оттопырился, а живот слегка выпятился. И так, со слегка оттопыренным задом, он вышел кланяться. И прошел за кулисы.

За кулисами собрался народ. Несли цветы. Цветов было много. Дорогие букеты складывали, как веники.

Муза Савельева выдвинула новую тактику. Вместо Игоря подобрать другого мужчину. Игорь узнает, взревнует и вернется обратно, чтобы охранять свое гнездо и свою женщину.

Мужчина был найден. Назывался Рустам. Чей-то брат. Или дальний родственник. Ирина не запомнила. Обратила внимание, что когда он расплачивался в ресторане, то достал пачку

долларов толщиной в палец. Ирина подумала: может, он террорист, иначе откуда такие деньги.

Рустам был ровесник Ирины, но выглядел молодо, на десять лет моложе. И приглашал танцевать молодых девочек в коротких юбках. Их ноги в колготках были как лакированные. Девчонки перебирали твердыми лакированными ногами, а Рустам обпрыгивал их вокруг, как козел.

Ирина сидела за столиком в черно-белом одеянии, дорогая блуза с венецианскими кружевами, длинная юбка из тяжелого шелка. Величественная и возрастная, как царица Екатерина, только без парика и без власти. Или как Эдит Пиаф со своим греком. Но то была Эдит Пиаф, а не преподаватель по классу рояля.

«Шла бы домой носки вязать», — сказала она себе. И глубокая грусть стояла в глазах. Этот поход только обнажил ее катастрофу. Она рухнула с большой высоты, разбилась и обгорела и теперь видит свои останки со стороны. Все можно поправить, но нельзя повернуть время вспять. Нельзя вернуть молодость и любовь Игоря.

Возраст — это единство формы и содержания. Молодые наполнены молодостью, у них молодые формы и радостное содержание.

Ирина тоже могла бы выйти в середину круга и задергаться в современном ритме включенного робота. Но на что это было бы похоже.

Не надо ни за кого прятаться, тем более за чужих и посторонних мужчин. Надо как-то с достоинством выплывать из этой реки страданий. Или тонуть.

Ирина вернулась домой. Вошла в комнату матери. Ясно, спокойно сказала:

— Мама, я не могу жить. И не буду.

— Можешь, — сказала Лидия Георгиевна. — Будешь.

Алик летел высоко над землей. Жуть и восторг. Впереди гора. Надвигается. Сейчас врежется... Но обогнул. Пролетел мимо. Очень близко увидел бок горы — как гигантская корка хлеба.

— Хорошо было? — спросил Андрей издалека.

Алик увидел себя в бабкиной комнате.

— Надо где-то баксы достать, — сказал Андрей.

Они вышли из дома и куда-то поехали. Алик больше не летал, но был непривычно легким, расслабленным. Они без труда перемещались по Москве, покрывали большие расстояния. Оказывались то тут, то там. В том числе оказались на Таганке, возле новой квартиры отца. Дверь открыла Люля.

— Отец дома? — спросил Алик.

— Игорь Николаевич? — уточнила Люля. — Проходи.

Алик прошел, а Андрей остался на лестнице. Спустился на полмарша вниз и стал ждать.

— Слушай, а ты чего за старика вышла? — доверительно спросил Алик. — Хочешь, я тебя трахну?

— Не хочу, — спокойно сказала Люля.

— Почему?

— Ты мне не нравишься. Поэтому.

Вышел отец и сказал одно слово:

— Вон...

Алик попятился и ударился о косяк двери. Поморщился. Почесал плечо.

— Вон, кому говорят, — повторил отец.

— Уйду, уйду, — не обиделся Алик. — Дай мне денег. Последний раз.

— Ничего я тебе не дам, — сказал Месяцев и добавил: — Скотина.

— На день рождения позвали, — объяснил Алик. — Надо подарок купить.

— Иди работать, будут деньги, — сказал отец. — Ступай вон.

Алик стоял на месте.

— Ты не расслышал? — спросила Люля.

— Уйду, черт с вами, — беззлобно сказал Алик. — Где бы денег взять. Дай в долг. Я отдам.

— Научишься себя вести, тогда приходи, — сказала Люля.

Алик ушел озадаченный.

— Ну как? — спросил Андрей.

— Никак, — ответил Алик. — Не понимаю, зачем старому человеку деньги. Деньги нужны молодым.

Алик и Андрей пешком пошли до Красной площади. Вся площадь была до краев набита людьми. Выступала какая-то крутая группа. Музыка, усиленная динамиками, наполняла пространство до самого неба. Ритм соединял людей и пространство в одно целое. Все скакали, выкидывая над головой кулак с двумя выдвинутыми вперед пальцами. Получался сатанинский знак. Толпа в основном состояла из молодежи, которая скакала, как на шабаше.

Алик и Андрей тоже выкинули над головой сатанинский знак и стали скакать. Алику казалось, что он зависает. И если подпрыгнуть повыше, то полетит. Жуть и восторг. Они заряжались от толпы и сами заряжали. Как в совместной молитве, но наоборот. В молитве человек просит, а здесь берет не спрашивая. Здесь все можно, здесь ты — хозяин, а не раб. Можешь брать у жизни все, что хочешь, и попробовать ее на зуб, эту жизнь.

Денег хватило на бутылку водки и триста граммов колбасы. Колеса были.

Дома Андрей размешал колеса в стакане.

— Это что? — спросил Алик.

— Циклодол. При Паркинсоне прописывают. Я у дяди Левы украл.

Алику было плевать на дядю Леву с Паркинсоном. Он спросил:

— А что будет?

— Ничего. Он еще себе купит. У него рецепт есть, а у меня нет.

— Я не про дядю Леву. Я про нас.

— Глюки. Посмотрим.

Андрей размешал еще раз. Они хлебнули. Стали ждать.

Появились какие-то блоки из пенопласта. Из них составлялся космический корабль. Как в детском конструкторе.

— Ну как? — спросил Андрей.

— Скучно. Давай водки добавим.

Налили водки. Сделали по глотку. Алик добавил колес. Потом водки.

Космический корабль стронулся с места и мерзко задрезжал. Скорость нарастала, дребезг усиливался. Потом взрыв. Треск и пламя. Загорелась голова.

Алик дошел до телефона. Снял трубку. Набрал номер. Позвал:

— Мама....

И упал.

Трубка раскачивалась над остановившимися глазами. И оттуда, как позывные, доносился голос матери:

— Але... Але...

Ирина ничего не могла понять. Вроде бы она слышала голос Алика, но тут же замолчали. Наверное, отошел контакт. Алик часто ронял телефон. Он вообще не бережет имущество.

Ирина положила трубку и набрала номер Лидии Георгиевны. Алик последнее время жил в ее однокомнатной квартире, туда приходили его гости, туда перетасили видеоманитофон. Грязь такая, что квартиру было легче сжечь, чем убрать. Но Лидия Георгиевна приходила, и убирала, и оставляла еду и свою пенсию. Она любила внука как никого и никогда. Это была главная любовь всей ее жизни.

Жили на деньги Ирины. Ирина взяла несколько частных учеников, детей миллионеров. За один урок платили столько, сколько раньше за год. Странное наступило время. С одной стороны, все разваливается. А с другой стороны, она впервые может достойно продавать свое образование.

Свой педагогический дар.

Ирина снова набрала номер. Занято.

Надо было собираться, ехать к ученице.

Ирина не любила метро. Предпочитала наземный транспорт. Народу в троллейбусе набилось больше, чем он мог вместить. Ирину мяли и утрамбовывали. Но чем хуже, тем лучше. Если удобно сесть у окошка, наплывают мысли. А когда тебя месят и вращают, силы уходят на выживание и противостояние.

Ирина перестала ходить в общественные места: на концерты, в театры. Раньше входила в зал под руку с Месяцевым — и этим все сказано. А сейчас входит в зал, видит полный партер народа, где она никому не нужна. И никто не нужен ей.

Изо всех Христовых заповедей самой трудной оказалась: «смири гордыню».

«Не укради» — легко. Гораздо труднее — украсть. «Не убий» — и того легче. Ирина не могла убить даже гусеницу. «Не лжесвидетельствуй» — тоже доступно. А вот «смири гордыню», пригни голову своему "я", выпусти в форточку свою женскую суть. И при этом — не возненавидь... ненависть сушит душу до песка, а на песке ничего не растет. Даже репей...

Однажды в подземном переходе встретила Музу Савельеву. Прошла мимо. Муза позвала. Ирина не обернулась. Прошлая жизнь осталась где-то на другом берегу, и не хотелось ступать на тот берег даже ненадолго. Даже вполноги.

Недавно зашла в универмаг и увидела себя в большом зеркале с головы до ног. В длинной дорогой шубе она походила на медведя-шатуна, которого потревожили в спячке. И теперь он ходит по лесу обалделый, не понимающий: как жить? чем питаться? И вообще — что происходит?

В этот вечер Месяцев и Люля поехали в театр. Шла новая пьеса известного режиссера. Премьера. Люля не пропускала ни одной премьеры. Разделись в комнате у администратора, чтобы не стоять потом в очереди. Администратор Саша оказался знакомым Люли. Он помог снять ей пальто, хотя Месяцев стоял рядом.

На Люле был розовый костюм, купленный в последней поездке, розовый лак на ногтях и розовая поблескивающая помада. Люля была вся розовая и поблескивающая, как леденец. Ее хотелось лизнуть.

Там же раздевался некий Шапиро, известный ученый-физик, светский человек. Он катался на горных лыжах, обожал красивых женщин, не пропускал ни одной премьеры, и было непонятно, когда он работает. Физик поверхностно поздоровался с Люлей. Люля ответила, глядя чуть выше лба, и Месяцев понял: они знакомы. Были знакомы. А скорее всего, были близки, отсюда этот заговорщический общий не-взгляд. Люля как бы послала сигнал: внимание, опасно... Он: вижу, вижу, не бойся, не выдам...

Сели в партер. Месяцев оглянулся. Ему вдруг показалось: весь зал спал с Люлей. Все мужчины. И те, кто с женами, и солдаты с девушками, и толстый негр. «Какой же я дурак», — подумал Месяцев.

Пьеса была хорошая, и артисты играли хорошо, но Месяцев думал только одно: «Какой же я дурак...»

В антракте он сказал:

— Я поеду домой, а ты как хочешь.

Люля пошла следом. Молча оделись. Молча сели в машину. Месяцев обдумал план ухода: необходимые ноты, бумаги он заберет сейчас. А за роялем можно будет прислать позже. Такелажники удивятся, но поймут. А может, и не удивятся. Какая им разница. Им лишь бы платили деньги, и больше ничего.

Можно, конечно, объяснить с Люлей, но что он может ей сказать? Какой же я дурак... А при чем тут она? Он — дурак. А она какая была, такая и осталась.

Месяцев решил обойтись без выяснений. Не упрекать, не задавать вопросов. И тут же спросил:

— Он был твой любовник?

— Кто? — не поняла Люля.

— Ну, этот... — Месяцев вдруг забыл его фамилию.

— Был, — сказала она.

— Ты его любила?

— Какое-то время.

— Ты всех любила, с кем спала?

— А что тебя удивляет? Спать без любви вообще безнравственно. По-моему...

— Значит, это правда?

— Что?

— Люля — это понятие. Это образ жизни.

— Сколько лет было твоей жене, когда вы встретились?

— Шестнадцать.

— А мне тридцать четыре. Я ведь не могла сидеть сжав колени. Я искала.

— И нашла. Дурака. Какой же я дурак...

Люля молчала.

— Я переоценил свои возможности. Я не могу жить с женщиной, с которой переспал весь город. Я ухожу.

Месяцев свернул во двор, остановил машину. Он не мог дальше ехать.

Люля заплакала.

— Я все тебе оставлю. Только рояль заберу.

Люля продолжала плакать. Она снимала со щек слезы и смотрела на пальцы.

— Ну что ты плачешь? — Месяцев чувствовал свое сердце.

— Мне страшно... — проговорила Люля. — Что-то случится... Что-то случится, и все кончится. Я не вынесу.

Месяцев обнял ее, розовую, чистую, желанную.

Люлин каблук попал на гудок. Машина гуднула, как олень в лесу. Трубный зов пронзил московский дворик.

Ночью поднялся ветер. Деревья шумели с такой силой, будто начался ливень. Но ливня не было. Просто шумели деревья.

Ирина встала. Набрала номер. Занято.

Она позвонила Зине, которая жила в соседней квартире через стенку с Аликом. Зина — свой человек. Бесхитростно сообщала, когда за стеной драка... Когда приходила милиция... У Зины рос свой Алеша, и тоже без отца. Это их объединяло: женское одиночество и материнская тревога. А все остальное на этом фоне казалось несущественным.

— Зина, я вас очень прошу... Позвоните в дверь к Алику, — попросила Ирина.

— А сколько времени? — хрипло спросила Зина.

— Я не знаю.

— Сейчас, — сказала Зина, помолчав.

Ирина ждала. Время остановилось.

— Никто не открывает, — отозвалась Зина.

— Странно... Телефон занят, а никого нет.

— Трубку плохо положили, — объяснила Зина.

Ирина ухватилась за эту мысль. Алик не открывает, потому что он не один. Так уже бывало. А занято потому, что неплотно положена трубка.

Ирина уснула, и ей приснился Алик. Он прошел мимо нее не видя. Не то чтобы не замечал. Не видел, как будто находился в другом измерении.

Ирина встала. Оделась.

Лифт не работал, и она пошла пешком.

Дверь была закрыта. Она позвонила. Постучала. Еще раз позвонила долгим, непрекращающимся звонком. Приложила ухо к двери. Тихо.

Позвонила в соседнюю дверь. К Зине. Там долго шаркали, потом возникла заспанная Зина.

— Можно я воспользуюсь вашим балконом? — спросила Ирина.

Их квартиры имели общий балкон, разделенный перегородкой.

Зина соображала, должно быть, просыпалась.

— Сейчас я Алешу попрошу, — отозвалась Зина и пошла в глубину квартиры.

Алеша, пятнадцатилетний мальчик, встал и вышел на балкон. Серый рассвет был похож на сумерки. Алеша отметил, что переход от света к тьме и, наоборот, от тьмы к свету выглядит одинаково. Алеша понял свою задачу и знал, как это сделать. Он легко перекинул себя через балконную перегородку и оказался против двери Алика. Балконная дверь закрыта. Алеша ударил по стеклу. Образовалась дыра с рваными краями.

— Осторожно, — попросила Зина.

— Идите на лестницу, — предложил Алеша. — Я открою вам дверь изнутри.

Зина и Ирина вышли на лестничную площадку. Ждали. Дверь открылась. Ирина первой вошла в квартиру.

Мертвый Алик лежал в прихожей. Над ним висела трубка.

Зина прошла в комнату. В кресле сидел Андрей — красивый. И мертвый.

Ирина не шелохнулась. Стояла и смотрела.

— Надо вызвать «скорую», — сказала Зина.

Машина приехала очень быстро. Должно быть, ночью вызовов мало и дороги свободны.

Мальчиков забрали в морг.

— Передозировали наркотики, — сказал врач. — Это, к сожалению, бывает очень часто.

— Бедная мать... — проговорила Зина.

— Бедный Алик, — поправил Алеша.

— Алику уже все равно, — заметил врач.

Врач привык к смертям. Смерть входила в профессию или, как сейчас говорят, в бизнес. Значит, смерть входила в бизнес.

Хоронили через два дня. Похоронами занималась Люля, потому что больше оказалось некому. Ирина лежала как неодушевленный предмет. От нее не отходил врач. Лидия Георгиевна продолжала смотреть в свою точку. Ани не было в Москве. Они с Юрой уехали на Кипр. Сейчас все ездили на Кипр.

У Люли оказался знакомый священник. Алика отпевали по русскому обычаю.

В изголовье стояли Месяцев и Ирина. Месяцев видел лицо своего сына, лежащего в гробу, но не верил, что он мертвый. Ему казалось, что это какое-то недоразумение, которое должно

кончиться. Бывают ведь необъяснимые вещи вроде непорочного зачатия. Где-то самым верхним слоем мозга Месяцев понимал, что его сын умер. Его хоронят. Но это не проникало в его сознание. Месяцев стоял спокойный, даже величественный. Ирина почему-то меняла головные уборы: то надевала кружевную черную косынку, то новую шапку из лисы. Шапка увеличивала голову, она была похожа в ней на татарина.

Народу набралось очень много. Месяцев не понимал, откуда столько людей. Была почти вся консерватория, школьные друзья Алика, Люля и ее знакомые. И даже мелькнуло лицо театрального администратора. Может быть, он участвовал в организации похорон.

Месяцев увидел Льва Борисовича, своего старинного друга, жалкого и заплаканного. Месяцев дружески подмигнул ему, чтобы поддержать. Глаза Льва Борисовича наполнились ужасом. Он решил, что Месяцев сошел с ума.

Люля скромно стояла в дверях в своей шубе из черной норки. Ее сумочка была набита лекарствами. На всякий случай.

Неподалеку от Люли стояла ее подруга Инна в лисьем жакете. К Инне подошла Муза Савельева и сказала:

— А вы зачем пришли? Какая бестактность. Дайте матери сына похоронить.

Подруга поняла, что эти слова относятся к Люле, но промолчала. В глубине души она осуждала Люлю. Могла бы дома посидеть. Но Люля как бы показывала общественности, что Месяцев — с горем или без — это ее Месяцев. И она сторожила свою добычу.

Священник произнес над гробом какие-то простые и важные слова. Он сказал, что на все воля Божия. Значит, никто не виноват. Так распорядились свыше. И что когда-нибудь все встретятся в Царствии Божием и снова будут вместе. Месяцев зацепился за это слово: встретятся... И все, что происходило вокруг, он воспринимал как временное. Люди пришли, потом уйдут. А он будет ждать встречи с Аликом.

Дома, в его шестидесятиметровом кабинете-студии, были раскинута столы для гостей. Люля все организовала. А у Ирины в доме стол для ее гостей. Зина помогала. Пришлось делить знакомых и друзей. Некоторые отошли к Ирине и разделили ее горе. Большая часть отошла к Игорю и села за его стол.

Месяцев присутствовал и одновременно отсутствовал. Его не было среди гостей. Иногда выныривал, как из глубины, и вместе с ним выплывало одно слово: затоптали.

Когда все ушли, он лег лицом к стене и стал ждать.

Дни набегали один на другой. Месяцев не замечал разницы между днем и ночью. Как за полярным кругом. Ему было все равно.

Люля требовала, чтобы он поехал к знакомому психоаналитику. Но Месяцев знал, что скажет психоаналитик. Он выбрал день и отправился к священнику.

— Я устал переживать смерть своего сына, — сказал Месяцев. — Я хочу к нему.

— Это бессмысленно, — спокойно сказал священник. — Вас не примут раньше положенного вам срока.

— Это как? — не понял Месяцев.

— Ну, на мирском языке: будете ждать в приемной.

— А там нельзя курить... — мрачно пошутил Месяцев.

— Что-то в этом роде. Ваша душа будет маяться так же, как здесь.

Месяцев помолчал.

— А ему было больно?

— Я думаю, нет. Я думаю, он не заметил, что умер.

Месяцев поверил священнику. У него было приятное широкое лицо и никакой фальши в голосе. Месяцев не мог выносить фальши и все время боялся, что с ним начнут говорить об его горе.

— Значит, что? Ждать? — спросил Месяцев.

— Жить, — сказал священник.

Прошел год.

Всего один год, а сколько перемен.

Люля подолгу жила в Америке. Ее подруга Инна вышла замуж за американца, и они сляпали какое-то совместное предприятие. Не то пекарню, не то магазин. Месяцев не вникал.

У Люли оказалась бездна способностей, ей стало скучно сидеть возле погасшего Месяцева. Надоело. Мертвый сын мешал больше, чем живой. Однако она заботилась о муже. Купила финскую морозильную камеру на сорок килограммов и, уезжая за океан, полностью забивала ее продуктами: мясо, рыба, птица, грибы, мороженные овощи, фрукты и ягоды. Всё витамины. Этой морозилки хватало на несколько месяцев. Можно жить не выходя из дома. И даже небольшую гражданскую войну можно переждать с такой морозилкой.

Люля получала валютную зарплату. Если перевести в рубли, набирались миллионы. Ее финансовая кривая шла резко вверх. А у Месяцева наоборот — резко вниз.

Гюнтер прекратил заключать контракты, сказал, что в Европе кризис, никто не ходит на концерты.

Месяцев постепенно отошел от исполнительской деятельности. Пятьдесят лет — хороший возраст. Но он уже сказал свое слово и теперь мог только еще раз повторить то, что сказал. Выросли новые, тридцатилетние и шумно рассаживались на пиршестве жизни. У них был свой стол.

Месяцева все чаще приглашали в жюри. Он больше представлял, чем играл. Когда приходилось давать концерты, он вспахивал пальцами клавиатуру, но думал о своем. Шел как самолет на автопилоте. Программа задана, долетит и без твоего участия. И бывал рад, когда возвращался домой, в пустую квартиру.

Он научился жить один и привык к своему одиночеству. И даже полюбил его. Люди мешали.

Однажды среди бумаг нашел листок со стихами Алика.

«Пусть руки плетью повисли и сердце полно печали»...

Месяцев не понимал в поэзии и не мог определить: что это? Бред сумасшедшего? Или выплеск таланта? Алик трудно рос, трудно становился. Надо было ему помочь. Удержать. Жена этого не умела. Она умела только любить. А Месяцев хотел только играть. Алик наркоманил. А Месяцев в это время сотрясался в оргазмах. И ничего не хотел видеть. Он только хотел, чтобы ему не мешали. И Алик шагнул в сторону. Он шагнул слишком широко и выломился из жизни.

Когда? Где? В какую секунду? На каком трижды проклятом месте была совершена роковая ошибка? Если бы можно было туда вернуться... Кукла из Ниццы стояла на книжной полке и смотрела перед собой стеклянными глазами.

Когда становилось невмоготу, Месяцев покупал коньяк и шел к Льву Борисовичу.

Лев Борисович в последнее время увлекся фотографией, и на его стенах висели храмы, церквушки, старики, собаки, деревья.

Пили коньяк. Все начинало медленно кружиться по кругу.

— Я сломан, Лева, — признавался Месяцев. — У меня как будто перебита спина.

— Почему? — Лев Борисович поднимал брови.

— Меня покинул сын, талант и любовь.

— У меня никогда не было ни детей, ни таланта. И ничего — живу, — комментировал Лев Борисович.

— Если бы я не прятал его от Армии, если он пошел бы в Армию, то остался бы жив...

— Или да, или нет...

— В тот день он сказал: дай денег. Если бы я дал ему деньги, он пошел бы на день рождения. И все бы обошлось...

Дальше Лев Борисович знал: Месяцев расскажет о том, как он выгнал Алика, как Алик попятился и ударился плечом о косяк и как ему было больно.

— Сейчас уже не больно. — Лев Борисович покачал головой.

— Он сказал: «Уйду, уйду...» И ушел навсегда.

Месяцева жгли воспоминания. Он говорил, говорил, чтобы не так жгло. Облегчал душу. Но зато нагружал душу Льва Борисовича. Лев Борисович искренне сострадал другу, но в конце концов научился противостоять нагрузке. Он как бы слушал вполуха, но думал о своем. Уезжать ему в Израиль? Или нет?

С одной стороны, туда переехали уже все родственники и на пенсию можно прожить безбедно. Овощи и фрукты круглый год. Апельсины стоят копейки. Вообще ничего не стоят. А с другой стороны, Израиль — провинция, как город Сухуми с пальмами. Все говорят только про деньги. И дуэт хамсин, какой-то мерзкий суховей. И вообще — он русский человек, хоть и еврей.

— А как ты думаешь? — спросил Месяцев. — Могла лавина придавить Алика?

Лев Борисович очнулся от своих мыслей.

Глаза у Месяцева были ждущие, острые, мученические. Надо было что-то ответить, но Лев Борисович не слышал вопроса. Отвлекся на свой хамсин.

— Что? — переспросил он.

Месяцев понял, что его не слышат. Он помолчал и сказал:

— Ничего. Так...

Аня родила мальчика.

Позвонила Ирина и сказала: если он хочет, то может прийти в родильный дом имени Крупской.

«При чем тут Крупская? — подумал Месяцев. — У нее никогда не было детей».

В родильный дом он пришел к назначенному часу.

Ирина, Лидия Георгиевна и Юра были уже на месте — в помещении, где выдают детей и мамаш. Они принесли все, что нужно для ребенка: конверт, одеяло, голубые ленты.

В руках у Месяцева были нарядные белые астры.

— Кто их понесет? — с раздражением спросила Ирина. — Руки же у всех заняты.

За стеной раздался плач новорожденного, низкий, квакающий, как клаксон.

— Это не наш, — категорически отвергла Ирина.

И сразу послышался другой плач — нежный, жалобный, умоляющий: иу... иу... иу...

— Вот это наш, — взволнованно узнала Ирина.

Она узнала родную кровь по звуку. По звучанию.

И в самом деле, вышла Аня в пуховом пальто, и рядом с ней оживленная нянечка с ребенком, завернутым в одеяло.

— Кто тут папаша? — бодро выяснила нянечка.

Юра выступил вперед, и ему вручили драгоценный груз.

Месяцев подошел к нянечке и дал ей денег.

— Как ты, Юра, держишь ребенка? — возмутилась Ирина. — Ты его уронишь.

Она забрала у Юры внука. Крепко прижала к своему телу.

Она никому не нужна. Она даже сама себе не нужна. Но этому существу, слабому, как древесная почка, она нужна. И эта надобность продлится долго. Дольше, чем ее жизнь.

Ирина пошла к выходу, проверяя ногами землю. Чтобы не оступиться. Не ошибиться. Но она знала, что не оступится и не ошибется.

Во дворе стали рассаживаться в машину. Юра — за рулем. Ирина с ребенком впереди. Аня и Лидия Георгиевна — сзади. Месяцев мог уместиться на заднем сиденье, хотя и с трудом.

— Ты зайдешь? — спросила Ирина.

Все ждали и смотрели на Месяцева. Он подошел и втиснулся в машину. Потому что они смотрели на него и ждали его.

mir-knigi.org